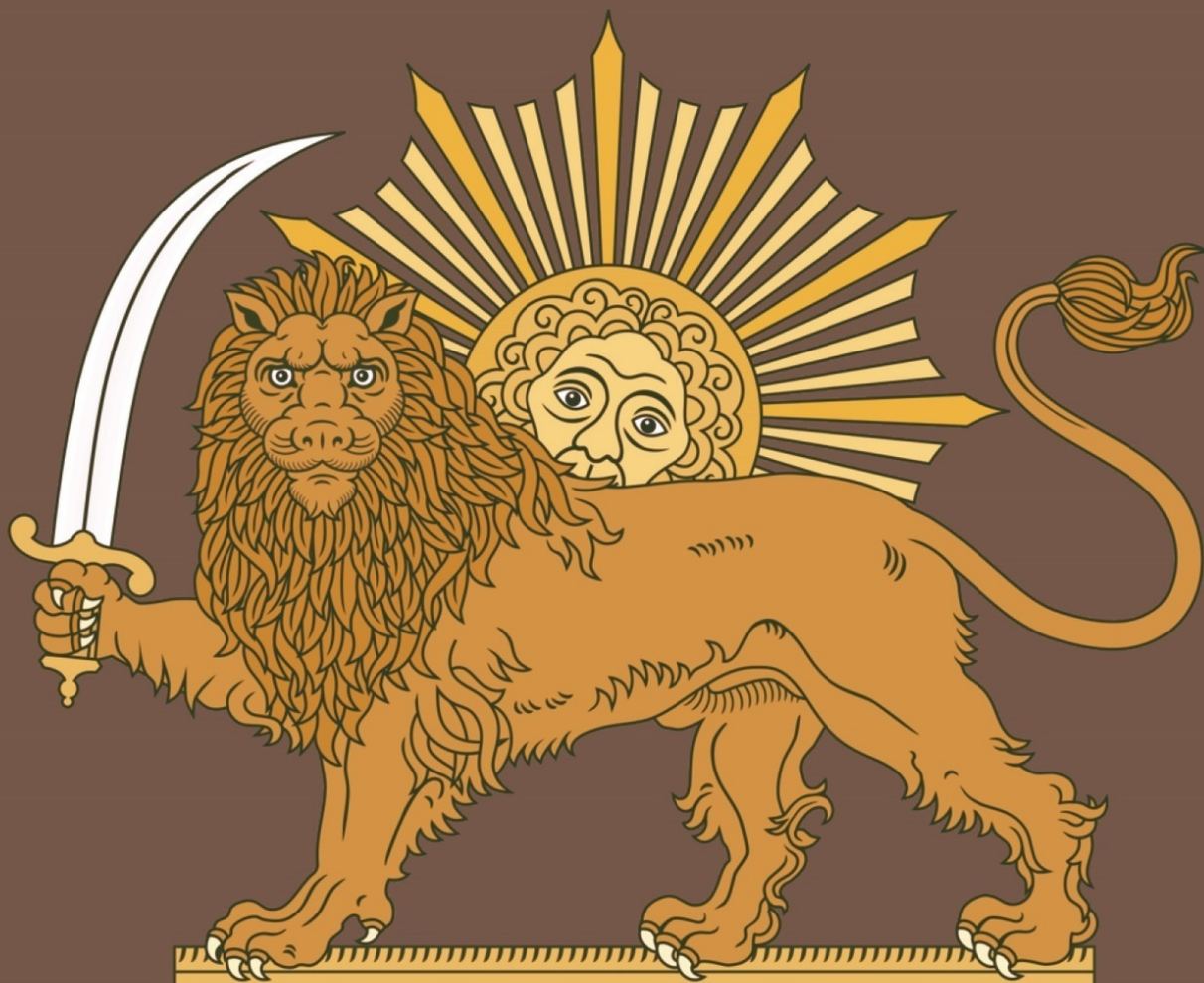

О. А. Гоков

**Очерки истории Персидской
казачьей бригады (1878–1895):
по русским источникам**

Университет Дмитрия Пожарского

Олег Гоков

**Очерки Персидской казачьей
бригады (1878-1895):
по русским источникам**

«Русский фонд содействия образованию и науке»

2018

УДК 94(5):94(55)+355.1"18"
ББК 63.3(5)

Гоков О. А.

Очерки Персидской казачьей бригады (1878-1895): по русским источникам / О. А. Гоков — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2018

ISBN 978-5-91244-234-6

С конца 1870-х гг. русские военные появились в иранской регулярной армии как военные инструкторы. Персидская казачья бригада, созданная ими, просуществовала более 40 лет и со временем стала основой новой иранской армии. В книге на основе архивных материалов и опубликованных источников реконструированы процесс создания бригады, особенности ее положения и развития при пяти командирах, ее место во внешней политике Российской империи.

УДК 94(5):94(55)+355.1"18"

ББК 63.3(5)

ISBN 978-5-91244-234-6

© Гоков О. А., 2018
© Русский фонд содействия
образованию и науке, 2018

Содержание

Введение	6
Глава 1	19
1.1. Предпосылки и причины создания ПКБ	19
1.2. Первая поездка А. И. Домонтовича. Подписание контракта на обучение части персидской кавалерии	30
1.3. Начало деятельности русских инструкторов в Иране	41
1.4. Создание второго полка и формирование бригады	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Олег Гоков
Очерки истории Персидской
казачьей бригады (1878–
1895): по русским источникам

Подготовлено к печати и издано по решению Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Рецензенты:

Басханов Михаил Казбекович, доктор исторических наук, профессор

Фалько Сергей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент

Введение

Российское военное присутствие в Иране¹ начиная с 1830-х гг., когда отношения между государствами потеряли конфликтность, носило разнообразный характер². Но только с конца 1870-х гг. русские военные появились иранской регулярной армии как военные инструкторы. Регулярная армия (в России во второй половине XIX в. называлась также «постоянной», «правильной» – от лат. *regularis* – «имеющий силу правила», *regula* – «норма, критерий, правило») – армия, организованная на основе правил, – формируется в Европе и отдельных государствах Азии в начале Нового времени. Ее отличительными чертами были наличие четкой организации; уставов, на которых она базировалась, по которым обучалась и которые должны были четко соблюдаться; единообразие вооружения и обмундирования; наличие подготовленного офицерского и унтер-офицерского корпусов; жесткая вертикаль командной иерархии и управления; постоянное пребывание на службе и систематическое обучение; всеобщий (т. е. вне зависимости от племенных, родовых, феодальных и пр. начал) принцип комплектования³. Как правило, регулярные армии создавались центральной властью с целью противопоставить их феодальным ополчениям или войскам других претендентов на власть сначала внутри страны, а затем и за ее пределами. Этот тип армии вырос из постоянных армий различных правителей традиционного общества, в основе которых лежал принцип отказа от феодально-племен-

¹ Под Ираном мы будем понимать государство конца XVIII – начала XX в. О разных пониманиях Ирана см.: Асатрян Г. С. Этническая композиция Ирана: От «Арийского простора» до Азербайджанского мифа. Ереван: Кавказский центр иранистики, 2012. С. 13; *Бартольд В. В.* Историко-географический обзор Ирана // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Восточная литература, 2003. С. 31–228.

² *Бергс А. П.* Самсон-хан Макинцев и русские беглецы в Персии 1806–1853 гг. // Русская старина. 1876. Т. 15. № 4 (апрель). С. 770–804; *Бларамберг И. Ф.* Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.; *Базиленко И. В.* О беглом россиянце С. Я. Макинцеве (Самсон-хане) и его иранской службе (первая половина XIX в.) // Базиленко И. В. Историография, религиоведение и культурология Востока: учеб. пособие для студентов направлений «Зарубежное регионоведение», «Религиоведение», «Культурология». СПб.: Изд-во Политех. ун-та, 2011. С. 283–294; *Базиленко И. В.* Российский дезертир С. Я. Макинцев (1780–1853) и его полувековая служба Ирану // Базиленко И. Россия – Иран. История отношений и эволюция религиозных идей (конец XVI в. – нач. XX в.). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. С. 255–270; *Базиленко И. В.* Российский беглец С. Я. Макинцев (1780–1853) и его полувековая служба Ирану [Электронный ресурс]. URL: <http://christianreading.info/data/2012/02/2012-02-06.pdf>; *Бларамберг И. Ф.* Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.; *Гоков О. А.* Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // Русский сборник. М.: Регнум, 2012. Вып. 13. С. 74–96; *Евстратов А.* Русские богатыри на службе у шаха Персии // Современный Иран. 2011. № 3. С. 61–65; *Кибовский А.* «Багадеран» – Русские дезертиры в персидской армии. 1802–1839 // Цейхгауз. 1996. № 5. С. 26–29; *Кибовский А.* Багадеран // Родина. 2001. № 5. С. 81–87; *Кругов А., Нечитайлов М. В.* Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг. М.: Фонд Русские Витязи, 2016. С. 84–105; *Кругов А. И., Нечитайлов М. В.* Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // *Tarix və onun problemləri*. 2013. № 1. С. 45–58; *Кругов А. И., Нечитайлов М. В.* Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) // История и её проблемы. 2013. № 1. С. 48–53; *Кругов А. И., Нечитайлов М. В.* Русские дезертиры в иранской армии (1805–1829 гг.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Kryglov_Nechitailov.pdf; *Ларин А. Б.* Российская политика в Иране в 30-е – середине 50-х гг. XIX. Дисс... канд. ист. наук. Самара, 2010. 283 с.; *Симонович И. О.* Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. М.: Наука, 1967. 174 с.; *Тер-Оганов Н. К.* Военные и внешнеполитические факторы создания регулярной армии в Иране в первой трети XIX века // *Canadian-American Slavic studies. Revue canadienne-américaine d'études slaves*. 2012. Vol. 46. Is. 1. P. 1–39; *Тер-Оганов Н. К.* К истории формирования регулярной армии в Каджарском Иране // Проблемы востоковедения. 2014. № 4. С. 87–93; *Тер-Оганов Н. К.* От военной модернизации к национализму и национальному государству в каджарском Иране // *History and Historians in the Context of the Time*. 2015. Vol. 14. Is. 1. P. 39–50; *Тер-Оганов Н. К.* Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в.: Автореф. дисс. ... кандидата исторических наук. Тбилиси, 1984. 28 с.; *Ханыков Н.* Очерк служебной деятельности генерала Альбранда. Тифлис: Типография канцелярии Наместника Кавказского, 1850. 38 с.; *Calmdar J.* Les Reformes Militaires sous les Qajars (1795–1925) // *Entre l'Iran et l'Occident*. / ed. Y. Richard. Paris, 1989. P. 17–42; *Cronin S.* Armies of Qajar Iran [Электронный ресурс]. URL: <http://kavehfarrokhi.com/iranica/militaria/iranian-military-history-and-armies-post-islamic-era-to1899/professor-stephanie-croninarmiesof-qajar-iran>; *Cronin S.* Building a new army: military reform in Qajar Iran // *War and Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present*. London et New York: Routledge, 2008. P. 47–87; *Cronin S.* Importing Modernity: European Military Missions to Qajar Iran // *Comparative Studies in Society and History*. 2008. Vol. 50. Is. 1. P. 197–226; *Farrokhi K.* Iran at War. 1500–1988. Oxford: Osprey, 2011. P. 163–243; *Cronin S.* Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russian

³ Энциклопедия военных и морских наук. СПб.: Типография В. Безобразова и К., 1893. Т. 6. С. 286.

ного комплектования. Для традиционных обществ (к которым, без сомнения, относится Иран XIX в.) регулярным войском можно считать постоянные военные части, организованные не по племенному признаку⁴.

В начале XIX в. наследником престола Аббас-мирзой при помощи французских, а затем английских военных инструкторов удалось создать новую регулярную армию⁵. Она состояла из пехоты, артиллерии и кавалерии. Член французской военно-инструкторской миссии – капитан Пепен обучил и вооружил несколько эскадронов по образцу французской регулярной кавалерии, составивших иранскую регулярную конницу (незам-атли или савар-незам)⁶. Позднее усилиями бывшего французского офицера Г. Друвиля возросла до 20 эскадронов. Она была организована, вооружена и обучена по французскому образцу. По замыслу Г. Друвиля, которого поддерживал лично Аббас-мирза, каждый эскадрон в будущем должен был стать основой для формирования отдельного кавалерийского полка. Однако после того как французов сменили англичане в 1809 г., кавалерия пришла в упадок. Англичане не были заинтересованы в ее развитии, т. к. опасались создания мобильного войска для нападения на Индию. Вторая попытка создания кавалерийских частей регулярного типа была предпринята в ходе военных реформ мирзы Таги-хана Ферахани эмир-низам эмир-е кебира, первого министра Ирана в 1848–1851 гг. Они видоизменили регулярную персидскую армию. Но попытка сформировать полк регулярной кавалерии в 750 человек из племени шахсевен оказалась безрезультатной⁷. Регулярные кавалерийские части сильно уступали иррегулярным и в конце концов не прижились. В результате, к началу 1880-х гг. иранская регулярная армия состояла из пехоты – 76 батальонов-фоуджей (20 в 1000 человек, 1 – 900, 53 – 800, 1 – 400, 1 – 250), штатная численность которых составляла 63950 человек; и артиллерии – 20 фоуджей по 250 человек (10 – в Азербайджане и 10 – в Ираке, всего по штату 5 600 артиллеристов)⁸.

В XIX в. иранская армия пережила 3 волны модернизации по европейским образцам⁹. За это время здесь побывали 3 французские, 2 английские, 2 австрийские, 1 итальянская и 1 русская военные миссии, не считая инструкторов-одиночек¹⁰. Однако наибольшего успеха добились именно представители России. По справедливому замечанию С. Кронин, вооружен-

⁴ Бабаев К. Военная реформа шаха Аббаса I (1587–1629) // Вестник Московского университета. Серия История. 1973. № 1. С. 23; Кадырбаев А. III. Институт гвардии и элитных войск на Востоке и Западе: история и современность [Электронный ресурс]. URL: [www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%20\(26\)2013.pdf](http://www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%20(26)2013.pdf). Удачное, на наш взгляд, определение «традиционного общества» предложил А. Д. Богатуров [Современная мировая политика: Прикладной анализ / отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект-Пресс, 2009. С. 48–49].

⁵ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Типография Я. И. Либермана, 1898. С. 188, 209; Кибовский А., Егоров В. Персидская регулярная армия первой половины XIX в. // Цейхгауз. 1997. № 5. С. 20–25; № 6. С. 28–31; Крюгов А., Нечитайлов М. Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг. М.: Фонд Русские Витязи, 2016. 248 с.

⁶ Кибовский А., Егоров В. Персидская регулярная армия первой половины XIX в. // Цейхгауз. 1997. № 6. С. 28–31; Тер-Оганов Н. Военные и внешнеполитические факторы создания регулярной армии в Иране в первой половине XIX века // Canadian-American Slavic Studies. 2012. Vol. 46. № 1. P. 1–39.

⁷ Cronin S. Armies of Qajar Iran [Электронный ресурс]. URL: <http://kavehfarrokh.com/iranica/militaria/iranian-military-history-and-armies-post-islamic-era-to-1899/professor-stephanie-cronin-armies-of-qajar-iran>.

⁸ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 2, 16.

⁹ Тер-Оганов Н. К. Военные и внешнеполитические факторы создания регулярной армии в Иране в первой трети XIX века // Canadian-American Slavic studies. Revue canadienneaméricaine d'études slaves. 2012. Vol. 46. Is. 1. P. 1–39; Тер-Оганов Н. К. К истории формирования регулярной армии в Каджарском Иране // Проблемы востоковедения. 2014. № 4. С. 87–93; Тер-Оганов Н. К. От военной модернизации к национализму и национальному государству в каджарском Иране // History and Historians in the Context of the Time. 2015. Vol. 14. Is. 1. P. 39–50.

¹⁰ Calmard J. Les Reformes Militaires sous les Qajars (1795–1925) // Entre l'Iran et l'Occident / ed. Y. Richard. Paris, 1989. P. 17–42; Cronin S. Armies of Qajar Iran [Электронный ресурс]. URL: <http://kavehfarrokh.com/iranica/militaria/iranian-military-history-and-armies-post-islamic-era-to-1899/professor-stephanie-cronin-armies-of-qajar-iran>; Cronin S. Building a new army: military reform in Qajar Iran // War and Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present. London et New York: Routledge, 2008. P. 47–87; Cronin S. Importing Modernity: European Military Missions to Qajar Iran // Comparative Studies in Society and History. 2008. Vol. 50. Is. 1. P. 197–226; Kaveh Farrokh. Iran at War. 1500–1988. Oxford: Osprey, 2011. P. 163–243; Тер-Оганов Н. К. Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных мисс

ные силы Персии пережили 2 волны русского присутствия – в первой и во второй половинах века¹¹. Однако следует заметить, что имели они разный характер. В первой половине века одновременно развивались официальная и неофициальная (относительно русского правительства) линии. Неофициально, без связи с российским правительством, а даже вопреки ему, действовали русские дезертиры, а официально – дипломаты-военные и военные советники. Во второй же половине деятельность русских военных инструкторов имела вполне законный вид и была ориентирована на обучение части иранских войск по контракту.

После Болгарии Персия стала местом наиболее удачного их применения во второй половине XIX – начале XX в.¹² Созданная Персидская казачья бригада (далее – ПКБ)¹³ просуществовала более 40 лет (с 1879 г. до 1920 г. (в 1916 г. была переформирована в дивизию)) и, не смотря на множество проблем, к началу XX в. превратилась в серьезную вооруженную силу, ставшую со временем основой новой иранской армии. Мы рассмотрим только начальный этап ее существования, этап наименее разработанный в историографии. Нижняя хронологическая рамка нашей работы – 1878 г., когда было принято решение о формировании русской военной миссии и состоялась первая, ознакомительная поездка А. И. Домонтовича в Персию. Для лучшего понимания того, на каких исторических основаниях базировалось создание ПКБ, в первой главе нами сделан очерк военной миссии в Иран под руководством В. А. Франкини в 1877 г. Именно она заложила основы для приглашения российских инструкторов в иранскую армию. Верхняя хронологическая граница – майские события 1895 г., когда был окончательно преодолен бригадный кризис. Были подписаны «Положение 24 мая 1895 г.» и «Конвенция между Россией и Персией о командировании русских офицеров для заведывания обучением персидской кавалерии», утвердившие законодательно правила управления ПКБ и положение русских инструкторов.

В историографии развитие русской военно-инструкторской миссии¹⁴ в Иране не получило всестороннего освещения. Основу изучения бригадного прошлого заложил один из ее

¹¹ Cronin S. Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // Middle Eastern Studies. 2012. Vol. 48. Is. 2. P. 147–182.

¹² В дальнейшем опыт ПКБ был использован для создания монгольской военно-инструкторской миссии, в целом также удачного проекта русских военных. О военных миссиях России за рубежом см.: Гросул В. Я. Россия и формирование национальных регулярных армий Молдавии и Валахии // Вопросы истории. 2001. № 5. С. 141–146; Жалсапова Ж. Б. Взаимоотношения России/СССР с Монголией/МНР в военной сфере: 1911–1939 гг. Автореферат дис... канд. ист. наук. Хабаровск, 2009. С. 16–18; Жалсапова Ж. Деятельность русских военных инструкторов в Монголии (1912–1916 гг.) // Власть. 2008. № 12. С. 120–123; Казанова Ю. В. Русская военно-инструкторская миссия в Македонии: формирование и начало работы (Из истории реализации Мюрцштегской программы) // Русский сборник. М., 2009. Т. 6. С. 91–111; Ким Ен-Су. Русские военные инструкторы в Корее и корейская армия // Русский сборник. М.: Модест Колеров, 2006. № 2. С. 218–244; Овсяный Н. Р. Болгарское ополчение и Земское войско. К истории гражданского управления и оккупации в Болгарии 1877–78–79 гг. СПб.: Издание Военно-Исторической Комиссии Главного Штаба, 1904. 175 с.; Попов И. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М.: ООО Изд-во Астрель, ООО Изд-во АСТ, ЗАО НПП Ермак, 2004. С. 177–194; Сквозников А. Н. Македония в конце XIX – начале XX века – яблоко раздора на Балканах. Самара: Самар, туманит, акад., 2010. С. 85–91; Фалько С. В. Военно-инструкторская миссия под руководством полковника К. В. Церпицкого в Бухарский эмират (1884 г.) // Плея. 2016. Вып. 109. С. 106–115; Хохлов А. Н. Д. В. Путята и его план модернизации корейской армии (1896–1898) // Вестник Центра корейского языка и культуры. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2013. Вып. 15. С. 172–202.

¹³ За исключением официального названия, термины «казаки», «казачья» и пр., относящиеся к ПКБ, мы будем брать в кавычки, поскольку к реальным казакам ее чины (за исключением русских инструкторов) относились только внешне – одеждой и обучением.

¹⁴ В литературе и источниках для обозначения группы военных, направленных и действующих в армиях других стран, именуют военными миссиями. Однако, строго говоря, для XIX в. правильно выделять военные и военно-инструкторские миссии. Первые включают в себя в основном военных советников для руководства вооруженными силами иной державы, а вторые – инструкторов для обучения армии. Тем не менее это не исключает возможности того, что вместе с военными советниками могут находиться офицеры и младшие командиры для инструктирования, а глава военно-инструкторской миссии может превратиться в военного советника. Исходя из этого, в своей работе российских инструкторов мы будем именовать преимущественно так, как их называли в источниках – военной миссией. Соответственно название военной миссии мы будем писать с маленькой буквы («миссия»), а дипломатического представительства – с большой («Миссия»).

командиров – Владимир Андреевич Косоговский¹⁵. Его «История ПКБ» до сих пор активно, но не критично используется исследователями развития русской военной миссии как чуть ли не основной источник (в широком смысле слова) для рассматриваемого нами периода. Не отрицая компетентность автора (он около 9 лет руководил ПКБ, знал многих ее командиров и офицеров, был хорошо осведомлен о перипетиях ее истории как по устным рассказам, так и по документам штаба Кавказского военного округа), следует заметить, что стремление к самовосхвалению, затушевывание одних и выпячивание других моментов из истории бригады позволяют усомниться в его объективности.

В дальнейшем, вплоть до начала XXI в., история ПКБ не являлась объектом пристального внимания историков. За это время появилось лишь 4 работы¹⁶, в которых частично или в общем, но поверхностно рассматривалось развитие русской военной миссии. Первой из них была крайне тенденциозная и лишенная исторической критики работа Михаила Павловича Павловича (Вельмана)¹⁷, посвященная в первую очередь участию ПКБ в подавлении персидской революции в 1908 г.¹⁸ Следующая работа принадлежала перу британского историка Фируза Казем-заде¹⁹. Это был достаточно качественный для того времени очерк по истории ПКБ, написанный на основе опубликованных источников. Тем не менее отсутствие архивных материалов (как русских, так и британских) делает сейчас эту статью ценной лишь с историографической точки зрения.

Остальные 2 работы были написаны с опорой на материалы тогда еще советских архивов. В первой – до некоторой степени фрагментарной работе Н.Р. Рихсиевой – в политическом ключе эпизодически рассматривался путь развития русской военной миссии с 1909 по 1912 гг. Затронула она и события 1893 г. Но выдержку из документа, где говорилось о начале кризиса, Н.Р. Рихсиева привела без связи с остальным текстом. Отдельно стоит отметить кандидатскую диссертацию Нугзара Константиновича Тер-Оганова²⁰. Рассматривая роль иностранных военных инструкторов в каджарской армии, он уделил отдельный параграф и российской военной миссии. Несмотря на использование материалов Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА), Н.К. Тер-Оганов также пошел по пути В. А. Косоговского. Он дал очерк развития ПКБ, отталкиваясь от его схемы, без должного критичного анализа.

Настоящий бум публикаций, посвященных ПКБ, начался с конца 1990-х гг.²¹ Среди них следует отметить наши работы, публикации Н.К. Тер-Оганова и Ольги Александровны Крас-

¹⁵ Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 390–402; Персия в конце XIX века. (Дневник ген. Косоговского) // Новый Восток. 1923. Кн. 3. С. 446–469.

¹⁶ Мы не рассматриваем предисловия к публикациям документов из истории ПКБ 1920-х гг., появившихся в журнале «Новый Восток», поскольку они имели крайне тенденциозный характер и, строго говоря, исследованиями не были. Отчасти исследованием можно назвать предисловие к дневнику В. А. Косоговского, написанное Г.М. Поповым. Но в нём автор дал только краткий анализ личности В. А. Косоговского и архивных материалов его фонда в рукописном отделе института востоковедения АН СССР [Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 3–10].

¹⁷ Павлович М. П. Казачья бригада в Персии (из истории персидской контрреволюции) // Новый Восток. 1925. Кн. 8/9. С. 178–198.

¹⁸ Здесь он активно использовал материалы британского проф. Э. Г. Брауна, изданные им в 1910 г. Книга эта содержала большой фактический материал, в т. ч. и по истории ПКБ (так, здесь был впервые опубликован текст контракта о найме русских инструкторов в 1882 г.). Но ее автор, не будучи профессиональным историком (а, возможно, действуя по заказу), подавал этот материал крайне тенденциозно, без должного анализа, присущего историческим исследованиям (достаточно сказать, что именно он ввел в оборот известные подделки – «рапорты Ляхова», речь о которых будет идти в последней главе). Фактически эта работа являлась публицистической, созданной на основе открытых источников и личных наблюдений, представляя собой своеобразный «поверхностный срез» по истории революции.

¹⁹ Kazemzadeh F. The Origin and Early Development of the Persian Cossack Brigade // The American Slavic and East European Review. 1956. Vol. 15. P. 351–364.

²⁰ Тер-Оганов Н.К. Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в. Автореф. дисс.... кандидата исторических наук. Тбилиси, 1984. 28 с.

²¹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. 352 с.; Гоков О.А. Антитабачные протесты в Иране и Персидская казачья бригада // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников Международной научно-практической конференции «Инновации в технологиях и образовании», 18–19 марта 2016 г. Белово: Изд-

няк. Работа Н.К. Тер-Оганова является на сегодняшний день наиболее полным исследованием по истории ПКБ. Однако, если период с 1895 г. изучен автором детально, с привлечением английских иранских источников, то временной промежуток до 1895 г. изложен схематично, без должного анализа. Очень детально указанный автор разобрал майские события 1895 г. Он привлек недоступные для нас документы, которыми устанавливался новый порядок управления и формирования ПКБ. О. А. Красняк активно использовала документы Архива внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ), касающиеся ПКБ. Она реконструировала в общих чертах процесс начала формирования ПКБ, до этого изученный слабо. Но в изложении истории ПКБ рассматриваемого нами периода оба автора следовали схеме, предложенной В. А. Косоговским, поэтому воспроизвели в своих работах все неточности и искажения исторического материала.

В целом, в последнее время были введены в оборот материалы российских архивов – РГВИА и Архива внешней политики Российской империи, появились новые оценки событий, связанных с бригадным прошлым. На Западе также появились интересные публикации, касающиеся ПКБ²². Но они имеют вторичный характер (за исключением статьи Н.К. Тер-Оганова и У. Раби), поскольку в основе их лежат не исторические источники, находящиеся в архивах России и Британии, а в лучшем случае – опубликованные источники. В основном же авторы этих работ опираются на работы друг друга или иных ученых. Исследователи либо повторяли сведения В. А. Косоговского и А. И. Домонтовича, ограничиваясь для остального рассуждениями общего характера, либо вообще их опускали. Вообще, для подавляющего большинства работ характерен акцент на «популярных» моментах в истории ПКБ, о которых существуют опубликованные источники, или которые активно освещались в современной прессе и литературе. Исключение составляет крайне интересное исследование Павла Бабица о взглядах В. А. Косоговского на Персию и персидскую политику России, основанное на материалах личного фонда офицера, хранящихся в РГВИА²³. Интересно, что использование работ В. А. Косогов-

во филиала КузГТУ в г. Белово; Изд-во ун-та «Св. Кирилла и Св. Мефодия», Велико Тырново, Болгария, 2016. Ч. 3. С. 239–242; Токов О. А. Качество подготовки личного состава и статус Персидской казачьей бригады в 1882–1885 гг. // Клио. 2014. № 9. С. 95–97; Токов О. А. К вопросу о личности третьего командира Персидской казачьей бригады // Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. 2013. № 1 (260). Ч. 2. С. 83–92; Токов О. А. Кризис в Персидской казачьей бригаде. 1889–1895 гг. // Клио. 2008. № 2. С. 91–98; Токов О. Неизвестный эпизод из истории «Восточного вопроса»: российская военная миссия 1877 г. в Персию // Известия на института за исторически изследования. Сборник в чест на проф. д.и.н. Стефан Дойнов. София: Академично издателство Професор Марин Дринов 2014. Т. 31. С. 115–134; Токов О. А. Персидская казачья бригада в 1882–1885 гг. // Восток. 2014. № 4. С. 48–60; Токов О. А. Персидская казачья бригада в воспоминаниях А. М. Алиханова-Аварского // Инновации в технологиях и образовании: сб. ст. участников VII Международной научно-практической конференции «Инновации в технологиях и образовании», 28–29 марта 2014 г. Филиал КузГТУ в г. Белово. Белово: Изд-во филиала КузГТУ в г. Белово, Россия; Изд-во ун-та «Св. Кирилла и Св. Мефодия», Велико Тырново, Болгария, 2014. Ч. 4. С. 93–96; Токов О. А. Причины создания Персидской казачьей бригады в историографии и источниках // Инновации в технологиях и образовании. Материалы V международной научной конференции: Сб. ст.: в 4 ч. Белово: Изд-во филиала КузГТУ в г. Белово, 2012. Ч. 3. С. 12–15; Токов О. А. Российская военная миссия в Иран в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Клио. 2014. № 2. С. 90–96; Токов О. А. Российские офицеры и персидская казачья бригада (1877–1894 гг.) // Canadian American Slavic Studies. 2003. Vol. 37. № 4. Р. 395–414; Токов О. А. Русская военная инструкторская миссия в Персии под руководством полковника Генерального штаба И. Я. Шнеура // Русский Сборник. М., 2017. Т. 21. С. 154–208; Токов О. А. Создание и начальный этап существования Персидской казачьей бригады (1879–1882 гг.). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 128 с.; Красняк О. А. Русская военная миссия в Иране (1879–1917 гг.) как инструмент внешнеполитического влияния России [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/01_2007/Krasniak.pdf; Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М., 2007. 160 с.; Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Восточная литература, 2012. 352 с.; Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 69–79.

²² Cronin S. Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions since 1800. Abingdon, UK and New York: Routledge, 2012. P. 143–187; Cronin S. Importing Modernity: European Military Missions to Qajar Iran // Comparative Studies in Society and History. 2008. Vol. 50. Is. 1. P. 197–226; Rabi U., Ter-Oganov N. The Russian Military Mission and the Birth of the Persian Cossack Brigade: 1879–1894 // Iranian Studies. 2009. Vol. 42. № 3. P. 445–463.

²³ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. 84 p.

ского позволило автору даже без серьезного изучения раннего этапа развития ПКБ сделать несколько точных выводов относительно ее места в российской внешней политике.

Тем не менее для подавляющего большинства научных и научно-популярных работ, даже выдержанных в добротном научном стиле, характерно множество ошибок, неточностей, использования непроверенной информации и даже неосознанных искажений в изложении истории ПКБ²⁴. По возможности, большинство из них мы рассмотрим в главах нашей работы. Здесь же отметим недостатки, характерные для историографии ПКБ вне зависимости от происхождения. Во-первых, это концентрация внимания на «популярных», «раскрученных» моментах истории ПКБ, которые либо освещены в опубликованных источниках, либо стали предметом политико-публицистических дебатов. Это: создание ПКБ в 1878–1879 гг. (по воспоминаниям А. И. Домонтовича), кризис 1895 г. (по воспоминаниям В. А. Косоговского), расстрел меджлиса и переворот 1908 г. (крайне политизированный как в русскоязычной, так и в англоязычной и иранской историографии), и, наконец, бригада накануне и в период Первой мировой войны и ее ликвидация (по опубликованным документам из царского архива Министерства иностранных дел, воспоминаниям иностранцев; вопрос отчасти политизированный). Классическими примерами могут служить статья о ПКБ в авторитетной «Encyclopaedia Iranica»²⁵, работа по истории иранской армии в 1880–1917 гг. американского историка Реза Раисе Туей²⁶ и историка иранской армии Стефани Кронин²⁷.

Во-вторых, перенос реалий начала XX в. на более раннюю историю ПКБ, «опрокидывание настоящего в прошлое»²⁸, что приводит к фактическим и теоретическим ошибкам, в том числе и в истории ПКБ. Наконец, в-третьих, – незначительное внимание к роли личности. А ведь, как следует из источников, в вопросе создания и функционирования российской военной миссии в Персии указанный фактор играл значительную, а иногда даже решающую роль. Личное мнение шаха (который не отличался постоянством), позиция людей из его окружения, интриги в нём, взаимоотношения российских командиров бригады с дипломатическими представителями России в Тегеране и персидскими сановниками, личные качества самих офицеров ПКБ – все эти факторы имели первоочередное значение в деятельности российской военной миссии. Модернизация истории, эмоциональность исследования, эссеизм, увлеченность конкретным методом или методикой (особенно национальным подходом к историописанию) – вот методологические недостатки многих современных работ по истории ПКБ. При этом иногда игнорируется принцип историзма²⁹.

²⁴ Это характерная особенность историографии ПКБ. Для примера сошлемся на эпизод с биографическими данными «иранского» периода жизни одного из командиров бригады периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. – полковника Генерального штаба (далее – ГШ) Георгия Иосифовича Клерже, разобранный А. Л. Посадсковым [*Посадское А. Л.* Либеральный полковник из Осведверха: лабиринты судьбы Г. И. Клерже – офицера, журналиста и мемуариста // Клерже Г. И. Революция и гражданская война: личные воспоминания. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2012. С. 10–26]. В нашем исследовании мы не будем рассматривать блок компилятивных, публицистических и откровенно пропагандистских статей, в которых говорится о ПКБ. Они основаны на опубликованных воспоминаниях и научных публикациях и не представляют научной ценности. Однако в пространстве Интернета именно они формируют у обывателя представление о ПКБ. Поэтому следует заметить, что указанные для анализируемых нами работ недостатки здесь предстают в гипертрофированной форме. Но поскольку недостатки научных работ мы будем разбирать в нашем исследовании, то от отдельной характеристики ошибок и искажений, допущенных в указанном блоке литературы, мы воздержимся.

²⁵ Atkin M. Cossack Brigade // *Encyclopaedia Iranica*. Vol. VI. Fasc. 3. P. 329–333 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/cossack-brigade>.

²⁶ Reza Ra'iss Tousei. The Persian Army, 1880–1907 // *Middle Eastern Studies*. 1988. Vol. 24. Is. 2. P. 219–226.

²⁷ Cronin S. The Army and Creation of the Pahlavi State in Iran, 1921–1926.1. B. Tauris, 1997. P. 54–107. Впрочем, глава, посвященная ПКБ, охватывает период с 1906 по 1921 гг., но содержит небольшое введение. И здесь присутствуют все указанные составляющие, с оговоркой, что исследовательский акцент сделан на первую четверть XX в.

²⁸ В этом ключе хочется также заметить, что многие историки пишут из сегодня, уже зная, как развивались те или иные события. Но при этом они забывают, что в тот или иной момент истории то, как именно будет идти тот или иной процесс, известно не было, и могли существовать разные варианты протекания событий.

²⁹ Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М.: Аквилон, 2014. С. 149–151; Барг М. Эпохи

При изучении истории ПКБ мы исходили из того, что она была русским проектом и должна была служить российским интересам. Поэтому основной акцент нами сделан на изучение русских источников³⁰. Они лучше всего позволяют рассмотреть и понять не только логику создания и развития бригады, как ее представляли российские офицеры и дипломаты, но и рассмотреть внутреннюю, «бытовую» историю российской военной миссии. Используемые нами иностранные источники имеют для работы лишь вспомогательный характер (за исключением работы Д.Н. Кёрзона), поскольку ни планов русского правительства и военных, ни внутренней жизни ПКБ оставившие их авторы в основном не знали. Но они дают взгляд на ПКБ извне и помогают понять, как видели работу русской военно-инструкторской миссии в Иране европейские (преимущественно английские) наблюдатели. Помимо собственно исторического очерка, предполагающего создание исторической реконструкции истории ПКБ на основе источников, дополненных сведениями из различного рода литературы, в наши задачи входит показать русский взгляд (или, правильнее, – взгляды) на «бригадный проект», определив его место в представлениях о русской внешней политике относительно Ирана и реальной реализации этих представлений.

По не зависящим от нас обстоятельствам, наше исследование построено на ограниченном архивном материале. Мы не использовали документы Архива внешней политики Российской империи (относительно ПКБ они частично введены в оборот О. А. Красняк), Центрального государственного исторического архива Грузии (частично изучены Н. К. Тер-Огановым), английских архивов. Поэтому мы не ставим целью дать исчерпывающую реконструкцию истории ПКБ. Нашей целью является на основе главным образом российских материалов дать углубленный исторический очерк развития ПКБ в последней трети XIX в., вписав ее внутреннюю жизнь во внутривосточный, внешнеполитический и международный контексты. В основу исследования положены материалы РГВИА и открытые источники. Особую ценность, естественно, представляют архивные документы. В РГВИА содержится значительное количество внутренней, деловой и пр. документации относительно русской военной миссии в Тегеране. Это: ведомственные и межведомственные документы и переписки, тексты контрактов военных инструкторов, рапорты глав миссии и инструкторов, военно-статистические и топографические работы офицеров ПКБ и штаба Кавказского военного округа и Закаспийской области, дневники, исторические работы, касающиеся истории ПКБ, справочные материалы. В основу нашей научной разработки были положены отдельные дела и документы, относящиеся непосредственно к внутренней жизни ПКБ и связанные с ее внешнеполитическим положением³¹. Некоторые архивные материалы были опубликованы в работе О. А. Красняк³². Однако невысокий уровень издания некоторых из них делает непригодными для детального анализа³³.

и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 354 с.; *Горюхов С. В.* Историзм: кризис понятия и пути его преодоления // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2010. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/4/Goriunov>; *Кузнецова Т. Ф.* Историзм и тезаурусный анализ культуры // Электронный журнал «Знание. Понимание. Умение». 2008. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/9/Kuznetsova>.

³⁰ Впрочем, отсутствие иранских и английских архивных источников обусловлено не только их второстепенностью для нас, но и объективными, не зависящими от нас причинами.

³¹ РГВИА. Ф. 76. *Косаговский В. А.* Д. 591. Воспоминания. 128 л.; РГВИА. Ф. 400. Главный штаб. Азиатская часть. Оп. 1. Д. 831. Дело из Азиатской части Главного штаба об отпуске персидскому правительству безвозмездно 4 орудий конной артиллерии с принадлежностями. 31 декабря 1882 – 13 июня 1884 г. 40 л.; РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 4. 1885. Св. 1100. Д. 57. О назначении полковника ГШ Кузьмина-Караваева Заведующим обучением персидской кавалерии. 9 июля 1885 – 18 января 1887 г. 44 л.; РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 5. 1893. Св. 1335. Д. 43. Канцелярия Военно-учёного комитета. О командировании ротмистра Бельгарда в Кавказский военный округ для назначения инструктором персидской кавалерии. 1893. 20 л.; РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 5. 1899. Д. 61/№ 173–259. О заключении Персией внешнего займа и о снабжении ПКБ оружием и огнестрельными припасами. 15 апреля 1899 – 19 марта 1900 г. 79 л.; РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 5. 1901. Д. 481. Донесения заведующего обучением персидской кавалерии ротмистра Бельгарда о состоянии персидской армии и военно-географические описания дорог в Персии. 28 декабря 1893 – 14 августа 1895 г. 144 л.; РГВИА. Ф. 401. Военно-учёный комитет. Оп. 5. 1901. Д. 515. Донесения о ПКБ и персидской армии вообще. 1898–1901 г. 346 л.; РГВИА. Ф. 409. Послужные списки офицеров. Оп. 17. Д. 5670. О производстве, с увольнением

Из опубликованных источников следует отметить секретные работы офицеров ГШ и ПКБ, консульские донесения, сведения из иностранных источников относительно Ирана, опубликованные в «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» и отдельными изданиями. В них неоднократно встречаются упоминания о бригаде, они дают представление о том, как она виделась со стороны непосвященным русским и иностранным наблюдателям. С этой же точки информативности сюда примыкают дневники и воспоминания офицеров и дипломатов. Особняком среди них стоят воспоминания есаула Меняева (изданные под псевдонимом Мисль-Рустем³⁴), бывшего инструктором персидской кавалерии в 1880-х гг., и отчет начальника Закаспийской военной области А.Н. Куропаткина, посетившего Иран в 1895 г.³⁵ Первая работа – ценнейший источник по внутренней, бытовой стороне жизни бригады³⁶. Вторая представляет собой важный «взгляд со стороны», дополняющий характеристику событий зимы-весны 1895 г., ставших переломными в истории ПКБ.

Интересный материал представляют собой официальные справочники российского Военного министерства по иностранным армиям³⁷. Они показывают уровень осведомленности

от службы полковника Кузьмина-Короваева. 31 мая 1891 – 21 марта 1892 г. 54 л.; РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 41. Проект инструкции Военно-ученого комитета военному агенту в Тегеране Франкини о доставлении им сведений о персидской армии; докладная записка Франкини о состоянии вооружённых сил Персии. 31 марта – 8 октября 1877 г. 85 л.; РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 42. Записка генерал-лейтенанта Франкини шаху Наср Эдину о состоянии вооружённых сил Персии и о необходимости реорганизации персидской армии. 1877. 14 л.; РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 43. Донесения полковника Домантовича, находившегося в Персии в качестве инструктора персидской кавалерии, в Военное министерство о реорганизации персидской армии; донесения русского посланника в Тегеране Зиновьева о службе Домантовича в персидской армии и о турецко-персидских отношениях. 17 января 1879 г. – 10 января 1880 г. 162 л.; РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 44. Переписка Военно-ученого комитета с Министерством иностранных дел о продлении срока пребывания в Персии в качестве инструктора персидской кавалерии полковника Домантовича 12 февраля – 11 декабря 1882 г. 60 л.; РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 46. Переписка Военного министерства с командующим войсками Кавказского военного округа об отозвании из Тегерана инструктора персидской кавалерии полковника Генштаба Кузьмина-Караваева и о назначении на его место полковника Генштаба Шнеура. 16 ноября 1889 г. – 28 июля 1893 г. 115 л.; РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 47. Переписка Главного штаба со штабом Кавказского военного округа о назначении полковника Генштаба Косаговского заведующим обучением персидской кавалерии и об отозвании с этой должности ротмистра Бельгарда. Послужные списки на поручика Дроновского. 17 января 1894 г. – 16 мая 1898 г. 189 л.; РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 48. Сведения, доставленные в Военное министерство заведующим обучением персидской кавалерии Косаговским о политическом, экономическом и военном положении Персии; донесения Косаговского о столкновениях между армянским населением и персидскими войсками в связи с насильственным переселением армян из Турции в Персию. 3 сентября 1897 г. – 18 июля 1898 г. 151 л.; РГВИА. Ф. 446. Персия. Д. 49. Донесения заведующего обучением персидской кавалерии полковника Косаговского военному министру Куропаткину А. Н. о намерении шаха Музаффар эд Дина совершить путешествие по Европе и переписка Военного министерства с командующим войсками Кавказского военного округа о назначении почётного караула для сопровождения шаха; маршрут путешествия шаха по России и по Европе; сведения о дислокации персидской армии. 30 декабря 1899 г. – 21 сентября 1900 г. 130 л.

³² Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 116–158.

³³ В частности, исследовательница в некоторых местах позволила себе под видом источника дать пересказ, иногда целых дел, своими словами. При этом терялась не только точность изложения, но даже изменялся смысл, содержавшийся в источниках [Переписка Военного министерства с командующим войсками Кавказского военного округа об отозвании из Тегерана инструктора персидской кавалерии полковника Генштаба Кузьмина-Караваева и о назначении на его место полковника Генштаба Шнеура, 1889 // Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 137–138]. Отсутствует также справочный аппарат (за исключением ссылки на дела) относительно того, откуда брались некоторые выдержки, в каком контексте они находились в оригинальном тексте.

³⁴ Атрибуция Мисль-Рустема дана как по его воспоминаниям, из которых следует, что он был военным, так и по работам: Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Типография Я. И. Либермана, 1898; Кримский А. Ю. Персидский театр. Звідки він узився і як розвивався // Твори в п'яти томах. Київ: Наукова думка, 1974. С. 301.

³⁵ Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. 65 с.; Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1897. 180 с.

³⁶ Правда, воспоминания эти пристрастны и не во всём точны. Меняев очень критично оценивал деятельность командиров ПКБ, с пренебрежением характеризовал персов и их порядки. Тем не менее он приводил большое количество фактического материала, который позволяет составить представление об организации, внутренних проблемах и успехах миссии, о тонкостях ее деятельности, о которых умалчивают официальные документы.

³⁷ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1884. 554 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1885. 504 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Воен-

Петербурга относительно состояния дел в ПКБ. Как свидетельствует анализ указанных источников за 1880-е – первую половину 1890-х гг., информация о русской военной миссии в Персии обновлялась крайне редко, и до 1894 г. носила формальный характер, поэтому пользоваться ею нужно с крайней осторожностью.

Из иностранных источников нами были использованы воспоминания английских и французских авторов, в той или иной степени наблюдавших ПКБ со стороны. Они дают сведения о внешней, «рекламной» деятельности русских инструкторов. Особняком среди указанных работ стоят публикации Д.Н. Кёрзона³⁸. Они имеют научно-публицистический характер. Но автор, помимо личных наблюдений и бесед с представителями британской Миссии и иранскими сановниками, использовал официальные персидские источники, в том числе бюджетную роспись бригады. Несмотря на множество неточностей, незнание внутренних особенностей функционирования ПКБ, явную пристрастность автора, его сведения дают возможность увидеть ПКБ так, как она представлялась стороннему наблюдателю. Кроме того, они дополняют материалы РГВИА, относящиеся к первому серьезному кризису в ПКБ – конца 1889 г. Опосредованно – через работы Е.Ю. Сергеева, Н.К. Тер-Оганова, С. Кронин, Реза Раисе Туей – нами использованы были сведения первого английского военного атташе в Иране Генри Пико, относящиеся к середине и второй половине 1890-х гг. Из иностранных источников его материалы наиболее близки к истине в характеристиках деятельности российской военной миссии³⁹.

Следует заметить одну особенность мемуарной и отчасти специальной литературы XIX – начала XX в. об Иране. Это – европоцентризм в оценках. Рассматривая Иран, его население, политические, общественные и религиозные институты в категориях «свой – чужой», большинство из авторов отказывало ему в праве быть «другим». Европейская модель общежития в ее различных вариантах виделась ими как единственно верная, образцовая, а все остальные оценивались как «отсталые», «застойные», «варварские» и т. п. Упрощенно говоря, авторы работ рассматривали мир в линейно-прогрессивной проекции «дикость – варварство – цивилизация», относительно Ирана и его населения применяя только первые 2 категории. Даже если европейцы (в том числе и русские авторы) пытались глубоко вникнуть в отдельные аспекты жизни Персии, их выводы и оценки были проникнуты указанными нормами. При этом критерием для сравнения, эталоном выступала Европа. Классическим примером являются письма Евгения Михайловича Белозерского, где глубокое понимание персидской действительности сочеталось с подчас даже наивными оценочными суждениями⁴⁰.

Перед тем как перейти к изложению основного материала, необходимо остановиться на терминологии и географических понятиях, которые мы будем использовать в данной работе. В тексте названия «Персия», «Иран» будут употребляться как синонимы⁴¹. Ираном («Высочайшее государство Иран») называли свою страну сами ее жители, а Персией ее именовали евро-

ная типография, 1887. 574 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1888. 564+60 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1890. 4+12+689 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1894. 821 с.; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1895. 12+776 с.

³⁸ Curzon G.N. Persia and the Persian Question. London: Published by Frank Cass & Co. Ltd, 1966. 639 p.; Кюрзон Г. Персия и персидский вопрос // СМ А. 1893. Вып. 52. С. 47–228. Что интересно, его наблюдения о ПКБ стали одним из тех «кирпичиков», из которых складывались антирусские взгляды Д. Н. Кёрзона.

³⁹ Перспективы изучения источникового материала еще довольно широки: для полной исторической реконструкции истории ПКБ необходимо исследовать архивы Грузии, Англии, Архив внешней политики Российской империи (частично это осуществила О. А. Красняк), более детально проработать воспоминания, наблюдения и дневники иностранных авторов. Эту задачу мы ставим как для себя, так и для исследователей на будущее.

⁴⁰ Белозерский Н.Н. Письма из Персии: От Баку до Испагани. 1885–86 г. СПб.: Военная типография, 1886. 2+108 с.

⁴¹ Кроме того, будут использоваться термины «страна Льва и Солнца» (по гербу), «Каджарская монархия (империя)» (по названию правящей династии).

пейцы по аналогии с древними греками⁴². Слова «Россия», «Русское государство», «Российская империя», «империя Романовых» и производные от них (русский, российский и т. п.) мы будем употреблять в тексте (если это не оговорено) в политическом («русских – россиян» – как подданных российских монархов), а не в этническом значении. То же касается слов «Персия» и «Иран», а также производных от них (понимая «персов» – как подданных правителей Ирана). Как синонимы мы будем употреблять названия «Англия», «Британия», «Британская империя», «Великобритания». Так же будут использоваться нами в государственническом смысле (если это опять-таки не оговорено в тексте) термины «англичане», «британцы», «английские», «британские» и т. п. Мы сознательно не употребляем термин «национальные интересы», так как он имеет не научный, а пропагандистский характер. Мы также против персонификации государств. Историю делали не абстрактные бездушные конструкции, типа «правительство», «Россия», «Иран» и т. п., а живые люди с их характерами, убеждениями, личной инициативой, достоинствами и недостатками. Государство – это в первую очередь группа лиц, находящаяся у власти по принципу силы или традиции и диктующая свою волю, свое видение развития общества остальной его части или конструирующая их в головах подвластных. Поэтому правильное говорить не о национальных интересах или интересах России, а об интересах ее правящей верхушки, определенных лиц или слоев населения. Если где-нибудь в тексте мы будем употреблять персонифицированные понятия типа «Россия решила», «Англия считала» и т. п., то подразумевать мы будем именно вышеизложенное толкование.

При написании работы нами будут использованы 2 наиболее распространенных во второй половине XIX в. принципа районирования земного шара – политический и географический. Учитывая, что любое районирование является плодом людского воображения, а названия одних и тех же регионов могут иметь разное наполнение как у отдельных народов, так и в разное историческое время, мы отдельно остановимся на том понимании регионов Востока и Азии, которые мы будем использовать в своей работе.

В первую очередь, необходимо определиться с понятием «Восток». Учитывая множество значений термина «Восток», мы в данной работе понимаем под ним страны Азии и Северной Африки⁴³. В региональном отношении Восток подразделяется на Ближний (владения Османской империи, в том числе и Кавказ), Средний и Дальний (Северная, Северо-Восточная, Восточная, Юго-Восточная и Южная Азия). В английской традиции термин «Near East» («Ближний Восток»; применялся первоначально по отношению к владениям османского султана) и синонимичный ему «Middle East» («Средний Восток»; используется с 1850-х гг.) включали и включают в себя не только территории Оттоманской Порты, но и Иран, Афганистан и часть индийских владений британской короны – современный Пакистан (второй вариант – Иран, страны Центральной Азии и Кавказа)⁴⁴. Для русскоязычной историографии характерна

⁴² «Персы сами себя называют иранцами, а свою страну Ираном. Присвоенное нами название этой стране “Персия” происходит от слова “фарс”, означавшего на древнеперсидском языке “всадник” (на самом деле название происходит от древнеиранского племенного названия *parsu-* (мн.ч. *parsava*), *parsa-*, примерно соответствующему значению “богатыри”, развившемуся позднее также в этноним “персы”. После арабского завоевания Персии в VII в. область Парс была переименована в «Фарс». Это связано с тем, что в арабском отсутствует звук «п» – О. Г.). Так называлась целая провинция, с главным городом Персеполисом, на юго-востоке Персии, в нынешней провинции Фарсистане, с главным городом Ширазом» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 93].

⁴³ Белокреницкий В. Я. Восток в мирополитических процессах. Азия и Африка в истории международных отношений и современной мировой политике. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2010. С. 4–11; Белокреницкий В.Я. Восток на рубеже веков – некоторые итоги и перспективы // Восток. 2001. № 5. С. 66–69; Васильев Л. С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 96–114; Ерасов Б. С. Общие критерии дихотомного сопоставления социокультурных оснований Запада и Востока // Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/Erass/39.php; Запун В. А. Запад и Восток в мировой истории. XIV–XIX вв. Западные концепции общественного развития и становление мирового рынка. М.: Наука, 1991. 264 с.

⁴⁴ См. статьи «Ближний Восток», «Средний Восток» на сайте «Википедия». URL: <http://ru.wikipedia.org>, «Middle East», «Near East» на сайте «Wikipedia». URL: <http://en.wikipedia.org>. Американский военно-морской теоретик Альфред Тайер

относительная неопределенность в ограничении понятий «Ближний» и «Средний Восток», поскольку оба они были заимствованы из английского языка. Отсюда появление таких квази-регионов как «Большой Ближний Восток», «регион Ближнего и Среднего Востока». В то же время выработано и разделение (основанное опять-таки на английской традиции), согласно которому Ближний Восток – это владения Османской империи, а Средний Восток – Иран и страны Центральной Азии (прежде всего Афганистан и северо-индийские земли; в разных трактовках сюда включают или не включают т. н. «среднеазиатские» государства и общества, попавшие в зависимость от Российской империи).

Учитывая принцип историзма, мы будем употреблять понятие «Средний Восток», которое использовал в начале XX в. Андрей Евгениевич Снесарев. Он включал в него: русский Туркестан, Хиву, Бухару, Тибет, Кашгарию, Памир, Афганистан, восточную Персию, Белуджистан, Индию⁴⁵.

Следующее важное понятие – «Азия». В последней трети XIX в. Азию делили по географическому принципу на: Восточную, Южную, Юго-Восточную, Северную, Западную и Центральную⁴⁶. В нее включали следующие «страны и государства»⁴⁷: «Русские владения (вместе с вассальными государствами Бухарой и Хивой и площадью под внутренними морями Каспийским и Аральским), Китай с подвластными ему странами, Британские владения, Аравия (независимые государства), Турецкие владения (вместе с Самосом), Персия, Нидерландские владения, Французские владения (вместе с состоящим под французским протекторатом Аннамом), Сиам, Афганистан, Япония, Владения Соед. Штатов Сев. Америки, Корея, Оман, Независимые Гималайские государства, Египетские владения (п-ов Синай), Португальские владения, Германские владения (Киоджау)»⁴⁸.

В «азиатском блоке» в первую очередь необходимо остановиться на понятиях «Средняя» и «Центральная Азия». Термин «Средняя Азия» первоначально использовался в русском языке как точный перевод немецкого «Zentralasien» (французское «Asie Centrale», английское «Central Asia») ⁴⁹, термина, предложенного в 1843 г. немецким ученым Фридрихом Вильгельмом Генрихом Александром фон Гумбольдтом⁵⁰ и уточненного германским исследователем

Мэхэн Средним Востоком называл области между Аравийским полуостровом и Индией. Британский журналист Игнатий Валентин Чирол включал в это понятие районы Азии, простирающиеся до границ Индии и господствующие над подходами к Индии. До Второй мировой войны на Западе Средним Востоком назывался регион от Месопотамии до Бирмы. Разногласия в понимании Среднего Востока отражены в Большой советской энциклопедии, где этот регион определялся следующим образом: «Условное наименование района Западной Азии, расположенного между Европой и Пакистаном; иногда, особенно в английской и американской литературе, заменяет собой термин Ближний Восток, Большой Ближний Восток» [Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1976. Т. 24. Кн. 1.С. 376].

⁴⁵ Снесарев А.Е. Афганистан. М.: Русская панорама, 2002. 272 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cawater-info.net/afghanistan/pdf/cnesarev.pdf>.

⁴⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz>. Помимо этого существует еще и понятие «Передняя Азия» – «буквальный перевод с немецкого “Vorderasien”». В ее состав входила вся Азиатская Турция, кроме Аравии, т. е. Малая Азия, Сирия с Палестиной, Месопотамия, Курдистан и Турецкая Армения [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz>]. Долгое время оно было синонимично Западной Азии [Большая советская энциклопедия. М.: БСЭ, 1972. Т. 9: Евклид – Ибсен. 1972. С. 332].

⁴⁷ Понятие «государство» подразумевало, в первую очередь, суверенное политическое образование, в то время как «страной» обозначали историко-географический регион, ту или иную территорию, не обязательно суверенную и политически организованную (например, Туркестан, Мавераннахр, Хорасан и пр.).

⁴⁸ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz>.

⁴⁹ В русском языке слова «центральный» и «средний» являются синонимами и зачастую обозначают одно и то же [Большая энциклопедия. Т. 17. Сальвадор – Статистика. СПб.: Книгоиздательское товарищество Просвещение, 1904. С. 761]. Поэтому рассуждения о правильности использования в русскоязычной традиции понятия «Центральная Азия» вместо «Средняя» представляются результатом политических соображений (политически ангажированными), а не стремлением отстаивать собственную языковую самобытность в терминологии.

⁵⁰ Энгельгардт М.А. Александр Гумбольдт, его жизнь, путешествия и научная деятельность. Биограф. очерк. СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1891 [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/e/engelxgardt_m_a/text_0020.shtml.

Фердинандом Паулем Вильгельмом фон Рихтгофеном⁵¹, и соответствовал редко употреблявшемуся «Центральная Азия». «Центральной» или «Средней Азией» в России называли пространство Азии «между Каспийским морем и Алтаем, Сибирью и Гиндукушем и Куэнь-Лунем; в этих пределах С. А. заключает в себе русский Туркестан, киргизские степи, Хиву, Бухару, и афганский Туркестан, китайский Туркестан, и Джунгарию... иногда этим обозначают русский Туркестан с Хивой и Бухарой»⁵². Со временем, с продвижением Российской империи в глубь Центральной Азии, термин «Средняя Азия» получает и второе значение. Средней Азией стали именовать т. н. «русский» Туркестан⁵³, т. е. российские владения и зависимые от империи Романовых государства Центральной Азии. Появляется термин «Внутренняя Азия», охватывающий все внутренние замкнутые бассейны Азиатского материка. Восточную часть этого региона, лежащую к востоку от Памира, называют Центральной Азией, а западную, включающую в себя Туркестан, часть Аралокаспийской низменности и Ирак – Средней Азией. В связи с этим появляется также обозначение «русская Средняя Азия»⁵⁴, обозначающее русские владения в Центральной Азии⁵⁵. Параллельно с этим названием по отношению к подвластным России территориям используются названия «Туркестан», «русский Туркестан», «Туркестанский край»⁵⁶. Тем не менее до конца существования империи главенствующим оставалось значение Средней Азии как синонима Азии Центральной, в ее географическом понимании⁵⁷.

Еще одно важное понятие, связанное историей взаимоотношений в треугольнике Россия – Иран – Османская империя, – «Кавказ». За основу его «расшифровки» мы также будем брать географическое определение и понимание его в XIX в. Для нас это географический регион на границе Европы и Азии, разделяющийся горной системой Большого Кавказа на два субрегиона: Северный (Предкавказье) и Южный (Закавказье). Политико-экономические границы региона на протяжении веков менялись, но в целом сосредоточены между Черным, Азовским и Каспийским морями⁵⁸.

⁵¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz>.

⁵² Большая энциклопедия. СПб.: Книгоиздательское товарищество Просвещение, 1904. Т. 19. С. 708; Настольный энциклопедический словарь. М.: Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон, 1897. Т. 8. С. 4640.

⁵³ Туркестан – историко-географическая область, «страна тюрков». С понятием Туркестан обычно связывают земли таких современных государств, как Узбекистан, Киргизия, Туркмения, Казахстан, Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая, тюркоязычные регионы юга Сибири, а также север Афганистана и Ирана. В XIX в. Туркестан делился на Западный, «русский» (под именем «Туркестана» в Российской империи чаще всего подразумевали три области: Самаркандскую, Ферганскую и Сырдарьинскую. Но весь Туркестан включал пять областей, расположенных одна за другой к востоку от Каспийского моря по границе Российской империи с Персией, Афганистаном и Китаем, а именно: Закаспийскую, Самаркандскую, Ферганскую, Сырдарьинскую и Семиреченскую, а также Бухарское и Хивинское ханства), Южный, «афганский» (территория от реки Мургаб до Гиндукуша, которая во второй половине XIX в. составила провинцию Афганского государства, стала называться Афганским Туркестаном) и Восточный, «китайский» (Кашгария, Иеттышаар, Семиградье, под которым обычно понимается область, включающая обширную Таримскую равнину и обращенные к ней склоны окружающих ее горных хребтов Тянь-Шаня, Памира, Куэнь-Луня и Бэй-Шаня) [Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. Т. 1. 761 с.; Бартольд В. В. История Туркестана // Сочинения. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 109–168; Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Сочинения. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 169–433; Бартольд В. В. К истории орошения Туркестана // Сочинения. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1964. Т. 2. Ч. 2. С. 97–236; Туркестан // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz>].

⁵⁴ Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.-М.: Издание т-ва М. О. Вольф, 1885. Т. 10. Русская Средняя Азия. 448+5 с.

⁵⁵ Здесь термины «Средняя» и «Центральная Азия» используются как синонимы [Lansdell H. Russian Central Asia: including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. London: Sampson Low, Marston, Searle and Rivington, 1885. Vol. 1. 738 p.; Vol. 2. 722 p.; Lansdell H. Through Central Asia; with a map and appendix on the diplomacy and delimitation of the Russo-Afghan frontier. London: Sampson Low, Marston, Searle and Rivington, 1887. 704 p.].

⁵⁶ Составлял особую административную единицу империи, с 1886 г. так официально именовалось Туркестанское гувернаторство.

⁵⁷ Большая энциклопедия. СПб.: Книгоиздательское товарищество Просвещение, 1904. Т. 19. С. 708.

⁵⁸ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе: в 6 т. СПб.: Типография департамента уделов, 1871. Т. 1. Кн. 1. С. 1; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/>

Иран во второй половине XIX в. одновременно находился в регионах Среднего Востока, Западной, а географически частично и Центральной Азии. Россия же, помимо Кавказа, контролировала Среднюю Азию и имела свои интересы практически во всех регионах Востока, за исключением Северной Африки.

Относительно географии Ирана (в том числе и исторической) в основу нашей работы положены сведения, содержащиеся в работах Василия Владимировича Бартольда⁵⁹. При написании иранских имен мы ориентировались на работу Алима Гафурова⁶⁰. С целью унификации персидских титулов и названий, встречающихся в текстах, мы будем использовать следующие варианты написания (в скобках указаны другие виды передачи их в русских источниках): Ахалтекинский, Ахалтеке (Ахал-Текинский, Ахал-Теке), Боджнурд (Буджнурд, Бурджнурд, Буджнурт), валиат (валият, валиад, валиахд, велиэхд), Зелл ос-Солтане⁶¹ (Зили-Султан, Зелл-ос-султан, Зиль-ус-султан, Зиллес-султан), Исфахан (Исфаган, Испагань), Йезд (Иезд, Езд), йомуды (иомуды, иомуты), Кучан (Кочан), Мешхед (Мешед), Мозаффарэддин (Музафар эдин, Музаффар эд-дин, Мозаффар-эд-дин), сараф (серраф), Тебриз (Тавриз), Хорасан (Хоросан, Хорассан), Хусайн (Гуссейн, Хосейн, Гусейн).

В заключение хотим отметить, что наша работа не претендует на закрытие темы. Скорее, мы намечаем ею пути дальнейшего исследования проблемы. Поэтому будем рады любым замечаниям.

Автор выражает особую благодарность за информацию и направляющие советы Михаилу Казбековичу Басханову, Нугзару Константиновичу Тер-Оганову, Олегу Рудольфовичу Айрапетову и Сергею Анатольевичу Фалько.

brokgauz.

⁵⁹ Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Восточная литература, 2003. С. 229–336; Бартольд В. В. Историко-географический обзор Ирана // Работы по исторической географии и истории Ирана. М.: Восточная литература, 2003. С. 31–228.

⁶⁰ Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. М.: Наука, 1987. 221 с.

⁶¹ В Каджарскую эпоху в Иране титулы первоначально имели градацию. Начинались они с добавлением «мольк» («мульк»), затем следовали титулы с добавлением «доуле» («довле», «даула»), «солтане» («салтане»), «солтан» («салтан»). Однако с правления Насреддин-шаха, особенно с 1880-х гг., титулы и должности стали продавать и давать «направо и налево», и данная градация была утеряна. [Меликов О. С. Персидская мемуарная литература XIX века как источник по истории Ирана // Иран и Турция: вопросы истории. Баку: Элм, 1986. С. 24.] Здесь также следует отметить, что «титул мирза, поставленный после собственного имени, означает знатность происхождения и является синонимом титула принц... Употребление... титула мирза после собственного имени означает исключительно принадлежность к королевской семье; поставленный перед собственным именем, он указывает на принадлежность к среде законодателей, ученых, писателей. В широком смысле дается детям из знатных семей, получившим хорошее образование» [Симонович И. О. Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. М. Наука, 1967. С. 28].

Глава 1

Создание и становление ПКБ (1878–1882)

1.1. Предпосылки и причины создания ПКБ

В 1875–1878 гг. произошло новое обострение «Восточного вопроса»⁶². Персия оказалась втянута в него не сразу. В отличие от прежних кризисов вопрос о позиции Тегерана встал на повестку дня лишь в начале русско-турецкой войны 1877–1878 гг. К сожалению, политика России и Великобритании относительно Ирана в годы «Восточного кризиса» 1870-х гг. изучена слабо⁶³. Это затрудняет формулировку четких выводов относительно их методов и задач здесь. Однако очевидно, что в России рассматривали возможность привлечения Персии как союзника в ходе войны с Османской империей, начавшейся в апреле 1877 г. 1877 г. можно рассматривать как начало нового этапа в русско-иранских отношениях. Он характеризовался постепенной всеобъемлющей экспансией России в Иран, стремлением иранского правительства, в силу своей слабости не имевшего возможности к открытому сопротивлению, использовать Россию в качестве противовеса экспансии Великобритании с целью сохранения хотя бы частичной независимости путем игры на противоречиях держав.

В начале 1870-х гг. персидский шах Насреддин в очередной раз решил провести реформу армии по европейскому образцу⁶⁴. К 70-м гг. XIX в. персидские вооруженные силы отражали все пороки общества. Невысокая боевая подготовка низшего и командного состава дополнялась коррупцией, что делало армию малопригодной для исполнения возлагаемых на нее функций⁶⁵. Тем не менее амбиции иранского правителя относительно соседних государств и территорий (прежде всего – Османской империи, туркменских и афганских земель) требовали соответствующего военного подкрепления⁶⁶. С началом русско-турецкой войны 1877–1878 гг. появилась возможность реализовать их хотя бы отчасти.

Для России желания шаха оказались как нельзя кстати. По его просьбе в апреле 1877 г. в Иран была послана военная миссия во главе с начальником кавказского горского управления генерал-майором от артиллерии Виктором Андреевичем Франкини⁶⁷. Он изучил состояние иранской армии и составил «Записку о состоянии вооружённых сил Персии и о необходимости реорганизации персидской армии», которая была подана на рассмотрение шаху Насреддину

⁶² Историография «Восточного кризиса» 1875–1878 гг. обширна. Своеобразный свод ее содержит работа В. А. Золотарёва [Золотарёв В. А. Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. – апофеоз Восточного кризиса. М.: Animi fortitudo, 2005. 568 с.]. Из последних работ следует отметить: Косев К., Дойнов С. Освобождение (1877–1878). София: Академично издателство Марин Дринов, 2003. 231 с.

⁶³ Впрочем, и сам кризис, и война, его завершившая, несмотря на огромное количество исследований, нуждаются в синтетических работах, в которых рассматривались бы все аспекты и отсутствовал европоцентризм.

⁶⁴ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 42–44. Подробнее о реформе до 1878 г. и деятельности иностранных военных инструкторов см.: Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Типография Я. И. Либермана, 1898. С. 210–213; Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1897. С. 167–171; Тер-Оганов Н.К. Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в.: Автореф. дисс. канд. ист. наук. Тбилиси, 1984. 28 с.; Cronin S. Building a new army: military reform in Qajar Iran // War and Peace in Qajar Persia. Implications Past and Present. Londres et New York, Routledge, 2008. P. 47–87.

⁶⁵ [Вревский А. Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 1–32.

⁶⁶ Ибрагимбейли Х.М. Кавказ в Крымской войне 1853–1856 гг. и международные отношения. М.: Наука, 1971. С. 244.

⁶⁷ Токов О. А. Российская военная миссия в Иран в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // Клио. 2014. № 2. С. 90–96.

20 октября 1877 г.⁶⁸ Шах предложил генерал-майору составить проект переустройства вооруженных сил Персии. Однако В. А. Франкини после выполнения своего задания в Персии вернулся в Россию.

Миссия В. А. Франкини подготовила почву для усиления военного влияния России в Персии и инициировала новый виток реформ в иранской армии⁶⁹. Безымянный автор на сайте Википедия указал, что «по возвращении из Персии Франкини представил обширный доклад о политическом, экономическом и военном состоянии Персии, в котором рекомендовал принять возможное предложение шаха о посылке военных инструкторов и командного состава для предполагавшейся к формированию Персидской казачьей бригады»⁷⁰. К сожалению, на данном ресурсе нет ссылки на источник информации. В некрологе, который приведен в конце статьи в качестве ссылки, указанные сведения отсутствуют⁷¹. Здесь допущена ошибка. В. А. Франкини действительно рекомендовал присылку инструкторов. Но речь шла не о предполагавшейся части, а об армии вообще. К тому же на тот момент идея о российских инструкторах в персидских вооруженных силах среди русских военно-политических кругов только вызревала⁷². В своей «Записке о состоянии вооружённых сил Персии и о необходимости реорганизации персидской армии», поданной на рассмотрение шаху, В. А. Франкини наметил основные пути преобразований. Однако правительство России не было на тот момент заинтересовано в создании в Иране качественных вооруженных сил⁷³, поэтому продолжения идея шаха о привлечении В. А. Франкини к реформированию на тот момент была заморожена. Тем не менее желание переустройства своей армии Насреддин-шаха не покинуло. В рамках тех перманентных военных преобразований, которые проводил в стране под эгидой шаха военный министр Хусайн-хан с начала 1870-х гг.⁷⁴, и под влиянием выводов В. А. Франкини в 1878 г. Насреддин-шах вторично посетил Европу⁷⁵. Вот как шах рассказывал об этом в 1883 г. начальнику

⁶⁸ РГВИА. Ф. 446. Д. 42.

⁶⁹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 51.

⁷⁰ URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/ОпанКНННН_ВНКТор_АНТОНОВН4.

⁷¹ Исторический вестник. 1893. Т. 50. № 10. С. 279–280.

⁷² Русские военные присутствовали эпизодически в персидской армии на протяжении XIX в. в качестве военных советников и отдельной воинской части, но не инструкторов [Бларамберг И. Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.; Гоков О. А. Русская военная миссия 1853–1854 гг. в Персию в контексте «Восточного вопроса» // Русский сборник. М.: Пегнум, 2012. Вып. 13. С. 74–96; Cronin S. Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // Iranian-Russian Encounters: Empires and Revolutions since 1800. Abingdon, UK and New York: Routledge, 2012. P. 143–187; Cronin S. Deserters, Converts, Cossacks and Revolutionaries: Russians in Iranian Military Service 1800–1920 // Middle Eastern Studies. 2012. Vol. 48. Is. 2. P. 147–182]. Российский поверенный в делах в Тегеране А. Е. Лаговский в 1857 г., после пребывания в Персии английских офицеров, писал директору Азиатского департамента Е. П. Ковалевскому: «Присылка сюда (в Персию – О. Г.) офицеров может быть чрезвычайно полезна, внушая персиянам к нам доверие, ибо видя наше желание усилить их страну... они перестанут мечтать и верить наущениям наших противников о наших намерениях подчинить себе эту страну» [РГВИА. Ф. 446. Д. 35. Л. 2]. Несмотря на то, что на его письме имеется приписка «Интересно, надо обдумать», предложения эти не были реализованы вплоть до второй половины 1870-х гг.

⁷³ Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавление к СМА. 1902. № 6. С. 60.

⁷⁴ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 42–48.

⁷⁵ Шах ехал через Кавказ и Петербург в апреле-мае 1878 г. 11 [Дневник генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1876–1878 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 420] или 12 [Нива. 1878. № 21. С. 380 // Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни: Т. 1–49. в 100 т. Репринтное издание 1870–1918 гг. СПб.: Альфарет, 2012–2013. Т. 17: 1878. № 1–26. 484 с.] мая он прибыл в столицу империи Романовых, 13 мая для шаха был устроен парад [Дневник генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1876–1878 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 421], а 16 мая через Варшаву отбыл на Берлин с целью посетить Всемирную парижскую выставку [Дневник генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1876–1878 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 422; Нива. 1878. № 22. С. 399 // Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни: Т. 1–49. в 100 т. Репринтное издание 1870–1918 гг. СПб.: Альфарет, 2012–2013. Т. 17: 1878. № 1–26. 484 с.]. В прессе подчеркивалось, что, как и в 1873 г., Насреддин-шах приехал как друг России, и даже откровенно указывалось на возможность заключения «оборонительного и наступательного договора» между странами [Нива. 1878. № 21. С. 380 // Нива: Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни: Т. 1–49. в 100 т. Репринтное издание 1870–1918 гг. СПб.: Альфарет, 2012–2013. Т. 17: 1878. № 1–26. 484 с.]. Однако, следует заметить, что такого ажиотажа, как первая (также совершённая в

Закаспийской области генерал-лейтенанту А. В. Комарову. «В Европе я присматривался, – сказал он между прочим, – к организации разных армий и принял наконец систему австрийскую⁷⁶ для своей пехоты и артиллерии, и русскую, казачью – для конницы. Существующие ныне регулярные части послужат кадрами для постепенного приведения моей армии к должной численности»⁷⁷. В. А. Косоговский сообщал, что «во время второго своего путешествия по Европе в 1878 г. ... из всех европейских войск ему, его министру иностранных дел, первому министру, более всего понравились: австрийские – пехота, сапёры и артиллерия и русские казаки. По возвращении из Европы шах пожелал переформировать свою пехоту, сапёр... и артиллерию по австрийскому образцу, а кавалерию по образцу русских казаков и заявил о своём желании австрийскому и русскому правительствам с просьбою командировать в Персию соответствующих инструкторов»⁷⁸.

мае, 10 он прибыл в столицу, а 17 покинул ее [Богданович Е.В. Наср-Эддин шах и его выезд в Россию в 1873 году. СПб.: Типография Майкова, 1873. 28 с.; Дневник генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютин. 1873–1875 / под ред. Л. Г. Захаровой. М.: РОССПЭН, 2008. С. 30–31, 33; Наср-Эддин. Пребывание шаха Наср-Эддина в России во время первого путешествия его величества по Европе в 1873 году: (Извлеч. из собств. е. вел. дневника). СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1889. 53 с.; Насрэддин, шах персидский // Нива. 1896. № 19. С. 452, 454; Наср-Эддин, шах персидский // Нива. 1873. № 19. С. 293–295]], вторая поездка персидского правителя по России не вызвала – общественное мнение и политики были отвлечены событиями на Балканах и англо-русским конфликтом. Тем не менее следует заметить, что посещение шахом Петербурга и приемы, которые для него и его свиты устраивали при дворе, символизировали, что деятельность дипломатов и военных России в Тегеране по привлечению шаха к России была не напрасной.

⁷⁶ С 1867 г. Австрийская империя была преобразована в Австро-Венгерскую [Трайнин И.П. Национальные противоречия в Австро-Венгрии и ее распад. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 104]. Однако в русских источниках, видимо, по привычке, инструкторов, служивших в Иране, именовали австрийцами, а миссию – австрийской. Поэтому в работе мы будем использовать эти наименования как синонимы.

⁷⁷ Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Типография Я. И. Либермана, 1898. С. 202–203. Впрочем, «реформирование» иранских вооруженных сил возобновилось после первой поездки Насреддин-шаха в Европу в 1873 г. «Только в 1873 году, во время первого своего заграничного путешествия, Насреддин-шах имел случай видеть благоустроенные европейские армии и не мог, конечно, не заметить бездну, отделяющую их от его собственных войск, – писал российский офицер. – Тогда-то, по возвращении из Европы, он и приступил к мероприятиям, которые величаются “военными реформами Насреддина”» [Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Типография Я. И. Либермана, 1898. С. 210] (впрочем, здесь автор был не совсем прав: шах и до 1873 г. отчасти представлял слабость своей армии). Так, например, в 1875 г. был выработан новый закон о воинской повинности, который, однако, так и не вступил в действие [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1887. С. 554]. По мнению И. Захарова, поездки шаха в Европу (1873, 1878 и 1889) были обусловлены деловыми соображениями. Они «могли стать не только получением информации из первых рук (для модернизации страны – О. Г.), но и были призваны решить ряд насущных проблем, главным образом финансовых» [Захаров И. Насер од-Дин-шах Каджар и проблемы раннего этапа модернизации в Иране (вторая половина XIX века) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/72346>]. Однако, нам представляется, что здесь имели место и другие побудительные мотивы. Насреддин-шах был действительно неординарным правителем каджарской династии. Он дольше всех ее представителей продержался на престоле. И власть его была сравнительно прочной, о чём свидетельствует то, что в ходе его трехкратного отсутствия в стране (к слову, впервые в новой истории Ирана шах покидал свою страну надолго) не случилось ни коллапса власти, ни даже покушений на смену правителя. Насреддин-шах идеалом своим видел Петра I. К тому же он был властолюбив и честолюбив. Но не обладал целеустремленностью своего идеала. Поездками в Европу он стремился удовлетворить свое любопытство и показать себя просвещенным монархом (например, посещение Всемирной парижской выставки в 1878 г.). Не последнюю роль играли и финансовые вопросы (вопрос о концессии Ю. Рёйтеру в 1878 г., желание получить займы в 1889 г.). Без сомнения, имело место и желание ознакомиться с европейскими порядками, чтобы постепенно внедрять их в Иране. Но ни финансовые вливания, ни внедрение европейских образцов не привели к действительным результатам, поскольку осуществлялись без программы, выборочно и бессистемно. Систему власти и организации общества в Иране шах ломать не хотел, да и не мог при сильных позициях духовенства. Мощным сопротивлением европеизации было и при дворе, в том числе в гареме правителя. В большинстве своем противники реформ преследовали личные мелкие интересы, а не думали о развитии страны. Но главное – ситуация полностью устраивала самого монарха.

⁷⁸ Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 390–391. Указанные свидетельства ценны тем, что опровергают до некоторой степени версию, что «ещё задолго до второй поездки в Европу в 1878 г. Насреддин-шах решил реорганизовать пехоту и артиллерию по австрийскому образцу» [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 49]. Утверждение И. В. Базиленко, что «сравнив русскую армию с армиями европейских стран и признав её лучшей среди прочих, шах решил переустроить иранские вооружённые силы по русскому образу и подобию» [Базиленко И. В. Православная Россия и шиитский Иран. По страницам истории отношений (XVI – нач. XX вв.) [Электронный ресурс]. URL: christian-reading.info/data/2011/02/20ИИ-02-05.pdf. С. 174], естественно, не совсем верно.

Сложно сказать, были ли далеко идущие планы относительно инструкторской деятельности у шаха в 1878 г.⁷⁹ Однако в том же году его первый министр заключил соглашение с австро-венгерским правительством о найме для обучения своей пехоты и артиллерии австрийских инструкторов на 3 года⁸⁰. Осенью 1878 г. было достигнуто соглашение с российским правительством о командировании в Иран для обучения кавалерии русских инструкторов. Таким образом, мысль о привлечении российских военных к преобразованиям в шахской армии, высказанная генерал-майором в рапорте от 29 августа 1877 г., послужила своеобразным прологом к созданию в 1879 г. Персидской казачьей бригады – части, представлявшей собой сначала полк, позже развернутый в бригаду, под руководством русских военных инструкторов⁸¹. Реорганизация части персидской армии была возложена на подполковника ГШ Алексея Ивановича Домонтовича⁸².

Интересным представляется вопрос, почему в распоряжение русских была отдана именно кавалерия, которая регулярных подразделений в европейском смысле не имела. На этот счет существует несколько версий. Первую и наиболее распространенную из них изложил в своих воспоминаниях А. И. Домонтович. «Двадцать восемь лет тому назад, – писал он, – Насреддин-шах во время своего второго путешествия в Европу, проездом по Эриванской губернии, всюду был встречаем и сопровождаем частями кавказских казачьих полков, которые по окончании Турецкой войны (русско-турецкой 1877–1878 гг. – О.Г.) были расположены в разных местах этой губернии. Внешний вид этих боевых полков, их красивая обмундировка и блестящее снаряжение привлекли внимание шаха. При дальнейшем же следовании по пути он имел случай убедиться и во внутренних высоких качествах этой кавалерии. Лихая, отчаянной смелости, одиночная езда казаков напоминала ему отчасти вольную не стесняемую никакими регламентами езду персидской конницы. Но в то же время какая-то внушительная тишина и грозная сплоченность строя казачьих полков более близкая его сердцу, чем мертвенная скован-

⁷⁹ В дальнейшем мы покажем, что идея подготовки на основе кавалерии кадров для иранской армии принадлежала главе первой русской военной миссии – А. И. Домонтовичу. Насреддин-шах, видимо, рассматривал его как своеобразного сменщика В. А. Франкини, призванного реформировать его вооруженные силы.

⁸⁰ Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391; Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 46. Австрийская военная миссия прибыла в Тегеран в январе 1879 г. Австро-иранские отношения на дипломатическом уровне активно начали развиваться с 1856 г., когда между государствами был заключен экономический договор [Истягин Л.Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1979. С. 15]. Иранский правитель пытался использовать Австрию, а затем Австро-Венгрию как своеобразный противовес англо-русскому влиянию. Это была уже вторая военная миссия (первая была в 1851–1857 гг.). Правда, как и первая, значительных успехов в развитии военного дела она не привнесла. Как верно отмечал Е.М. Белозерский: «Из всех европейских войск великих держав австрийское считается самым слабым по своей дисциплине и самым изысканным по форме. Первое обстоятельство, конечно, не было известно шаху во время его путешествия по Европе, а второе должно было быть решающим при выборе инструкторов» [Белозерский Н.Н. Письма из Персии: От Баку до Испагани. 1885–86 г. СПб.: Военная типография, 1886. С. 41]. По сведениям Леонида Григорьевича Истягина, Британия использовала австрийцев, чтобы ограничить русское влияние на вооруженные силы Ирана [Истягин Л. Г. Германское проникновение в Иран и русско-германские противоречия накануне первой мировой войны. М.: Наука, 1979. С. 15]. К слову, одновременно с военной миссией в Иран для проведения реформирования административной системы в 1880 г. прибыл барон К. Тейфенштейн. Он некоторое время был губернатором одной из провинций, однако не мог перебороть особенности местного администрирования. К тому же пригласивший его хаджи мирза Хусайн-хан впал в немилость и был отстранен от своих должностей. Его сменил младший сын шаха Камран-мирза Наиб ос-Солтане, занявший посты военного министра и губернатора нескольких провинций. Одну из них он уступил австрийцу в управление, но никакой поддержки не оказал. В итоге, К. Тейфенштейн вынужден был оставить свою должность и вернулся на родину [Тейфенштейн К. В Персии // Нива. 1885. № 16. С. 382–383].

⁸¹ Следует заметить, что в период подготовки миссии, как следует из проекта инструкции военным агентам, впервые был поднят вопрос о создании в Тегеране должности постоянного военного агента. Исследование В. А. Франкини «закрыло» эту тему. Его коллега – капитан ГШ В.И. Гибер фон Грейфенфельс – оставался в Тегеране до окончания войны с Турцией. Однако в дальнейшем кавказское начальство решило ограничиться в Иране постоянным негласным военным агентом в должности Заведующего обучением персидской кавалерии.

⁸² Встречается и другое написание фамилии – Домантович. Оно основано на дореволюционном написании, согласно которому в части слов, пишущихся сегодня через «о», писалась буква «а» (напр.: котораго, перваго, сердечнаго, твердаго и пр.). К слову, это касается и фамилии первого историка ПКБ В. А. Косоговского.

ность полков европейской кавалерии, вызвали восторженное его удивление. Задумав незадолго до того произвести преобразование всех военных сил, шах затеял по этому поводу сношения с австрийским правительством, результатом чего в скором времени ожидалось прибытие в Тегеран австрийской военной миссии всех родов оружия, кроме кавалерии. Относительно последней пока ещё не было определённого решения... Неизгладимое впечатление, произведённое на Насреддин-шаха казаками, бесповоротно решило этот вопрос в пользу России. По прибытии в Тифлис шах обратился к наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу, выразив желание пригласить на службу в Персию русских офицеров для формирования по образцу казаков части отборной кавалерии, на что в скором времени последовало Высочайшее соизволение»⁸³.

Своеобразный подход продемонстрировал Н.К. Тер-Оганов. Изложив «официальную» версию, предложенную А. И. Домонтовичем, он бегло остановился на миссии В. А. Франкини, вполне обоснованно отметив, что «идея переустройства иранской регулярной армии возникла благодаря деятельности генерала Виктора Антоновича Франкини»⁸⁴. Далее он сделал вывод, что «Насреддин-шах принял решение реорганизовать армию еще задолго до своей второй поездки в Европу в 1878 г., а не во время нее, как об этом утверждали в научной литературе»⁸⁵. Тем не менее на рассматриваемый нами вопрос о том, какие причины побудили шаха отдать для обучения русским кавалерию, исследователь ответа не дал, фактически оставшись на версии А. И. Домонтовича.

Вторая версия была предложена одним из инструкторов казачьих частей – Меняевым. Ее можно рассматривать как основанную на своего рода «бригадной» устной традиции, поскольку ее повторяли многие обер-офицеры и урядники, служившие в ПКБ⁸⁶. «Во время пребывания

⁸³ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 331–332. Эту же версию воспроизвели в своих работах многие другие историки [Базиленко И. В. Православная Россия и шиитский Иран. По страницам истории отношений (XVI – нач. XX вв.) [Электронный ресурс]. URL: christian-reading.info/data/2011/02/2011-02-05.pdf. С. 174–175; Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 138; Павлович М., Иранский С. Персия в борьбе за независимость. М.: Научная ассоциация востоковедов при ЦИК СССР, 1925. С. 85; Павлович М.П. Казачья бригада в Персии (из истории персидской контрреволюции) // Новый Восток. 1925. Кн. 8/9. С. 181; Atkin M. Cossack Brigade // Encyclopaedia Iranica. Vol. VI. Fasc. 3. P. 329–333 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/cossack-brigade>; Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 29; Cronin S. The Army and Creation of the Pahlavi State in Iran, 1921–1926. I. B. Tauris, 1997. P. 54; Kazemzadeh F. The Origin and Early Development of the Persian Cossack Brigade // The American Slavic and East European Review. 1956. Vol. 15. P. 352–353; Farrokh K. Iran at War. 1500–1988. Oxford: Osprey, 2011. P. 216; Reza Ra'iss Tousi. The Persian Army, 1880–1907 // Middle Eastern Studies. 1988. Vol. 24. Is. 2. P. 219; Ward S. R. Immortal: a military history of Iran and its armed forces. Washington: Georgetown University Press, 2009. P. 82. Л.М. Кулагина повторила указанную версию, однако допустила оплошность, утверждая, что шах проезжал в 1878 г. по возвращении из Европы по Закаспийскому краю [Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 136]. Повторил версию А.И. Домонтовича и М.Е. Болтунов, с указанием и роли И. А. Зиновьева [Болтунов М. Разведка «под крышей». Из истории спецслужбы. М.: Вече, 2015. 368 с. URL: <https://military.wikireading.ru/45373>]. Но при написании раздела, посвященного ПКБ, публицист использовал наши материалы, но без ссылки на них. Поэтому как оригинальную версию использовать мы его утверждения не можем.

⁸⁴ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 51.

⁸⁵ Там же. С. 51–52.

⁸⁶ «Сообщение г. Аслан-бека, помещённое и в казачьем журнале “Сполах” (Австралия), – сообщил редактор «Часового», – позволяет нам подтвердить все наши данные о превосходной воинской части, созданной Россией в тогдашней Персии, о чём нам много рассказывали наши, ныне покойные, друзья – бывшие офицеры Персидской бригады: Марков, Балакин и Калугин» [Аслан-бек. Персидская казачья бригада // Часовой. 1980. № 623 (1). С. 12]; «Насреддин-шах, будучи в гостях у императора Александра II, видел конвой Его Величества во всей красоте и захотел иметь у себя в Персии такое же войско, – сообщил служивший в 1917–1920 гг. в ПКБ С. С. Булацель. – И вот поэтому была сформирована в Персии Персидская казачья Его Величества Шаха бригада, состоявшая из Тегеранского и Тебризского отрядов» [Булацель С. Воспоминания о службе в персидской казачьей Его Величества Шаха дивизии // Русская армия в изгнании. М.: Центрполиграф, 2003. С. 370]; правда, отряды эти, одним из которых С. С. Булацель командовал, были сформированы в XX в. П. А. Фадеев, служивший в тогда уже Персидской казачьей дивизии с июля 1920 г., писал, что «эта дивизия, по желанию шаха из династии Каджаров, называлась казачьей, потому что шах в 1913 году, будучи в Петербурге, видел казачьи формы, джигитовку и выразил своё желание организовать персидскую армию на манер казачьих частей с формой и названием Персидского казачьего войска» [Фадеев П. Персидская революция // Русская армия в изгнании. М.: Центрполиграф, 2003. С. 375] (здесь явная опечатка или ошибка в

шаха в Петербурге, – сообщал Меняев, – ему очень понравился конвой его величества, и с того времени он решил сформировать у себя подобный же конвой»⁸⁷. Точного года пребывания Насреддин-шаха в столице России офицер не указал. Не сделал этого и другой офицер – Аслан-бек, – писавший о ПКБ уже в XX в. «Когда Насреддин-шах Каджар посетил Россию и на царском смотре увидел казачью джигитовку, – сообщал он, – то он так восхитился, что просил государя Александра Второго прислать ему инструкторов для обучения персидских солдат этому искусству. Император дал свое согласие и командировал в Персию полковника ГШ Домонтовича с несколькими казачьими урядниками – хорошими джигитами»⁸⁸. Поскольку шах побывал там дважды – в 1873 и 1878 гг., – то это дало историкам возможности для вариантов⁸⁹. Современный историк-публицист Александр Борисович Широкоград несколько развил вторую версию. По его мнению, «основа» для приглашения российских инструкторов была заложена пребыванием шаха в Петербурге в 1873 г. «Больше всего в Петербурге Насреддину понравилась джигитовка лейб-казачьего полка, – писал он. – В беседе с императором шах попросил оказать содействие в создании в Персии казачьих частей. Александр II ответил на просьбу шаха согласием. Вскоре в Персию был направлен полковник Генштаба Домонтович»⁹⁰. Историк Дмитрий Владимирович Сень указывал, что в мае 1873 г. «конвой в конном строю и в полной парадной форме» действительно «встречал шаха Персидского». «Выучка и лихая джигитовка казаков произвели на Насреддин-шаха большое впечатление, и он загорелся желанием создать подобную воинскую часть в Иране. Дело закончилось созданием Персидской казачьей бригады»⁹¹. Несколько по-иному изложил в начале XX в. вторую версию офицер-эмигрант, служивший в ПКБ, Серафим Михайлович Калугин. «Насреддин-шах в 1879 году посетил Петербург, – сообщал он. – Шах заинтересовался конвоем Государя и выразил желание иметь подобный же у себя в Персии. По его просьбе, для организации этой воинской части и ее обучения, были командированы в Тегеран русские офицеры-инструкторы, по назначению русского ГШ, но с предварительным согласием шаха»⁹². Фактически эту версию воспроизвели и составители словаря-справочника по кубанскому казачеству. «В 1878 г. Россию посетил персидский Насреддин-шах Каджар, – писалось в нём. – Во время поездки ему очень понравилась форма обмундирования, снаряжение и молодецкая езда конвойских казаков. Поэтому при встрече с Александром II он просил его прислать инструкторов для преобразования персидской конницы»⁹³. Естественно, утверждение, что шах впервые увидел казачий конвой импе-

годе: не 1913, а 1873 г.); а служивший в ПКБ с 1914 г. по 1918 г. поручик 14-го гусарского Митавского полка Л. И. Высоцкий указывал, что «когда Наср-Эддин Шах посетил Россию и на Царском смотре увидел казачью джигитовку, она ему так понравилась, что он просил Государя Александра II-го прислать ему инструкторов для обучения персидских солдат этому виду конного спорта. Государь дал своё согласие и командировал в Персию полковника ГШ Домонтовича с несколькими казачьими урядниками – хорошими джигитами» [Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. Париж, 1968. № 89. С. 11].

⁸⁷ *Мисль-Рустем*. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1897. С. 140.

⁸⁸ Аслан-бек. Персидская казачья бригада // Часовой. 1980. № 623 (1). С. 11. Автор заблуждался относительно звания А. И. Домонтовича и состава первой миссии, да и, как и многие другие, неточно воспроизводил алгоритм принятия решения о присылке инструкторов.

⁸⁹ И в первую, и во вторую встречи шаху были устроены смотры войск, и в обоих случаях на них присутствовали конвойцы. Правда, если о параде и учениях 1873 г. имеются более или менее точные данные [Дневник Д.А. Милютин. 1873–1875. М.: Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В. И. Ленина, 1947. Т. 1. С. 85], то о параде 13 мая 1878 г. – только упоминание.

⁹⁰ Широкоград А. Персия-Иран: империя на Востоке. М.: Вече, 2010. С. 98–99.

⁹¹ Сень Д. В. Императорский конвой и участие в нём казаков Кубани [Электронный ресурс]. URL: http://cossackweb.narod.ru/kazaki/r_konv04.htm#28.

⁹² Калугин С. Персидская казачья Его Величества Шаха Персии дивизия // Русская армия в изгнании. М.: Центрполиграф, 2003. С. 364. Здесь ошибочно указан 1879 г. К тому же автор говорит о Генеральном штабе, которого как отдельной структурной единицы в 1878–1879 гг. не существовало.

⁹³ Военный лексикон кубанских казаков: словарь-справочник. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. С. 69.

ратора в 1878 г.⁹⁴, не соответствует действительности. Конвойцев первый раз Насреддин-шах видел во время первой поездки по Европе в 1873 г. Скорее всего, здесь произошло смешение рассказов о поездках шаха: конвой представили ему впервые в 1873 г., но запрос о русских инструкторах был сделан им в 1878 г. Несмотря на различия в изложении и откровенные ошибки, связанные либо с неосведомленностью, либо с неточными сведениями, основанными на устной традиции (бытовавшей, видимо, среди инструкторов), вторая версия имеет под собой основание то, что с момента формирования ПКБ при ней был создан гвардейский полукэскадрон, обмундированный в форму Лейб-гвардии Казачьего полка.

В XX в. обе указанные версии частью историков были объединены. Таким образом, сформировалась третья, варьировавшаяся разными исследователями по-своему.

Советский историк Н.Р. Рихсиева обратила внимание, что «определенную роль в выборе играло личное желание Насреддин-шаха (1848–1896 гг.), которого в неоднократных поездках по России сопровождали русские казачьи части и покорили его выправкой и дисциплиной»⁹⁵.

Историк Павел Николаевич Стрелянов в своей работе, ориентируясь на воспоминания офицеров ПКБ, объединил две версии. «В 1879 году, – писал он, – во время своего второго путешествия в Европу, персидский шах Насреддин в поездке по России посетил Петербург, где был гостем императора Александра II. Там он впервые увидел и заинтересовался Собственным его императорского величества конвоем. Восхищенный молодецким видом и строевой лихостью казаков Конвоя, шах пожелал иметь подобную воинскую часть у себя в Персии». Далее историк пересказал версию, изложенную в воспоминаниях первого главы русской военной миссии⁹⁶. Несколько иными словами, но по той же схеме причины создания будущей ПКБ были изложены и в компилятивной публикации Алексея Васильевича Шишова. «Свою историю она (ПКБ – О.Г.) ведет с 1879 года, – писал он. – В тот год персидский шах Насреддин, совершая свою вторую поездку по столицам Европы, посетил и Санкт-Петербург, где восточный владыка был встречен с подобающими почестями. Император Александр II среди прочего повелел показать высокому гостю Собственный Его Императорского Величества конвой. Молодецкий вид, строевая лихость и джигитовка кавказских казаков-гвардейцев поразили шаха. И он пожелал иметь у себя такую воинскую часть конников-телохранителей». Затем, как и у предыдущего автора, следовал пересказ А. И. Домонтовича⁹⁷. В указанной работе отсутствуют собственные выводы и присутствуют значительные неточности⁹⁸.

Интересную трактовку причин создания ПКБ приводил В. А. Косоговский. «В начале своего царствования Насреддин-шах (1848–1896), чтобы пополнить свое скудное образование, начал читать, различные книги: в особенности ему нравилась военная история. Из неё он узнал про подвиги русских казаков в различных войнах и в особенности поразило его воображение описание их действий в 1812 г., когда они навели ужас на всю Европу: у него тогда же зародилась мысль попытаться завести и в своём государстве нечто подобное. Насреддин-шаху нравилось это войско, которое, при несомненной пользе, очень мало стоило русскому правительству, да и по складу и привычкам близко подходило ко многим из племён, обитающих в его стране: из них он намеревался создать отборный отряд под начальством иностранца, по образцу которого он мог бы мало-помалу переформировать и всю остальную персидскую конницу, так что такой отряд, обученный по европейскому образцу, мог бы служить как бы кадром. В 1870 г.»⁹⁹

⁹⁴ Стрелянов (Калабухов) П.Н. Корпус генерала Баратова, 1915–1918 гг. М.:Б. и., 2002. С. 122.

⁹⁵ Рихсиева Н. Р. К истории иранских казачьих частей (по архивным материалам) // Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Вып. 564. Востоковедение (литературоведение, история). Ташкент, 1978. С. 130.

⁹⁶ Стрелянов (Калабухов) П.Н. Казаки в Персии 1909–1918 гг. М.: Центрполиграф, 2007. С. 213–215.

⁹⁷ Шишов А.В. Персидский фронт (1909–1918). Незаслуженно забытые победы. М.: Вече, 2010. С. 18–20.

⁹⁸ Например, везде неверно был указан год путешествия шаха в Европу.

⁹⁹ Тут явная опечатка или ошибка. Первое путешествие шаха в Европу состоялось в 1873 г. [История Ирана. М.: Изд-во Московского ун-та, 1977. С. 263].

Насреддин-шах предпринял первое путешествие по Европе, но занятый осмотром фабрик и заводов, официальными визитами к царствующим особам, а также посещением достопримечательностей европейских городов, он не успел познакомиться с казаками на месте. Это удалось ему сделать только во время второго своего путешествия по Европе в 1878 г., когда из всех европейских войск ему, его министру иностранных дел мирзе Сеид-хану, военному министру Хаджи-мирза Гусейн-хану и Мушир од-Доуле сипехсалар-азаму¹⁰⁰, первому министру, более всего понравились: австрийские – пехота, сапёры и артиллерия и русские казаки. По возвращении из Европы шах пожелал переформировать свою пехоту, сапёр... и артиллерию по австрийскому образцу, а кавалерию по образцу русских казаков и заявил о своём желании австрийскому и русскому правительствам с просьбой командировать в Персию соответствующих инструкторов»¹⁰¹.

Как видим, каждая из версий обращает внимание на отдельные моменты, все они имеют «точки соприкосновения», но при этом и значительно разнятся в деталях¹⁰². Версии А. И. Домонтовича и В. А. Косоговского, исходя из архивных материалов, более близки к реальному ходу дел. Хотя исключать того, что шаху понравился казачий конвой русского императора также не стоит. Вызывает только сомнение факт, что шах изначально хотел создать кадры для реформирования армии и конницы в частности. Идея эта была выдвинута А. И. Домонтовичем, но до конца XIX в. развития не получила. Из всех версий очевидно лишь то, что во время пребывания в России Насреддин-шаху действительно приглянулись кавказские казаки. Это, в свою очередь, сыграло важную роль в организации русской военной миссии, облегчив задачу дипломатов.

Тем не менее полностью согласиться с мнением некоторых историков, что инициатива создания полка по образцу русских казаков принадлежала исключительно иранской стороне¹⁰³, нельзя. Не была она и кратковременной, сиюминутной прихотью шаха¹⁰⁴. Новый виток реформирования иранских войск был инициирован первым министром шаха в 1875 г.¹⁰⁵, убедившим его вновь пригласить иностранных инструкторов. Миссия

В. А. Франкини сыграла значительную роль в подготовке почвы для приглашения русских военных в иранскую армию. Именно после нее в 1878 г. персидский шах Насреддин совершил поездку по европейским странам, одной из целей которой было знакомство с армиями последних. Результатом стало приглашение австрийских и русских военных инструкторов для очередного реформирования вооруженных сил Ирана. На реорганизацию иранской армии претендовали, помимо России Великобритания, Австро-Венгрия, Бельгия и Франция¹⁰⁶. Полу-

¹⁰⁰ Речь идет, на самом деле, не о двух, а об одном лице – мирзе Хусайн-хане (Гусейн-хане в передаче В. А. Косоговского и А. И. Домонтовича) Мушир од-Доуле. В рассматриваемое время он совмещал посты военного министра и садразама (первого министра). В данном случае здесь, скорее всего, ошибка публикатора записок В. А. Косоговского.

¹⁰¹ Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 390–391.

¹⁰² Интересно, что советские и западные историки отталкивались от версии А. И. Домонтовича, в то время как историки и публицисты русской диаспоры – от меняевского варианта. Нынешние историки и публицисты используют оба варианта в зависимости от предпочтения используемых источников.

¹⁰³ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 29 (указанный автор ссылается на мнение М. Аткин, якобы высказанное в ее работе Atkin M. Russia and Iran, 1780–1828. Minneapolis: Minnesota Archive Editions, 1980. 232 p. на с. 329–330. Однако таких страниц в книге нет, не нашли мы и само высказывание).

¹⁰⁴ Babich P. A Russian officer in Persian Cossack Brigade: Vladimir Andreevich Kosagovskii. Budapest: CEU, 2014. P. 53.

¹⁰⁵ Farrokh K. Iran at War 1500–1988. Oxford: Osprey, 2011. P. 216.

¹⁰⁶ В частности, англичане предлагали свои услуги по реорганизации кавалерии [Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 332; об успехах англичан в деле создания индийской кавалерии см.: Duckers P. The British-Indian Army 1860–1914. Princes Risborough: Shire Publications, 2003. 56 p.; MacMunn G.F. The Armies of India. New Delhi: Lancer Publishers, 2010. 224 p.; Rivett-Carnac S. The Presidential Armies of India. New Delhi: Lancer Publishers, 2010. 477 p.]. Правда, когда именно это произошло – в 1873 г. или позже – неясно. Однозначно оно было сделано между 1873 и 1878 гг. Однако предложение это не прошло по нескольким причинам, основной из которых была воля шаха. Дело в том, что к концу 1870-х гг., во многом под влиянием русского посланника в Тегеране А. И. Зиновьева, англо-иранские отношения разладились. Значительную роль в позиции персидского правителя сыграло и то, что

чение той или иной державой права на преобразование персидских войск во многом зависело от желания шаха, а, следовательно, и от степени влияния на него отдельных дипломатических представителей. Соглашение о присылке российских инструкторов не могло быть организовано помимо российского чрезвычайного посланника и полномочного министра при персидском дворе Ивана Алексеевича Зиновьева¹⁰⁷. Это был по-своему уникальный дипломат, сыгравший значительную роль в русско-персидских отношениях последней трети XIX в. Своим дипломатическим мастерством и личными качествами он добился дружеского отношения к себе со стороны Насреддин-шаха и его первого министра. Это позволяло ему блокировать большинство попыток англичан подчинить Персию своему влиянию¹⁰⁸. «Конец 70-х годов и начало 80-х, – не без основания отмечал публицист конца XIX в., – особенно время представительства г. Зиновьева, даже по отзыву англичан, считается эпохой решительного преобладания России»¹⁰⁹. «Иван Алексеевич Зиновьев, – характеризовал его А. И. Домонтович, – человек средних лет, невысокого роста, сухоощавый с нервным и подвижным лицом и с быстро бегающими глазами. Серьезный, приветливый, он своим внимательным отношением к словам собеседника чрезвычайно располагал его в свою пользу. Во время трёхгодичного моего пребывания в Персии, при частых сношениях с Зиновьевым я имел достаточно случаев хорошо ознакомиться с ним и даже почти изучить его. Иван Алексеевич человек бесспорно выдающийся на своём посту. Практически ознакомленный по своей продолжительной службе в Персии, Румынии, Турции и опять Персии, он при своих обширных теоретических познаниях обладал способностью и трудолюбием. Кроме обычных иностранных языков он отлично говорил по-турецки и персидски. Долгая служба Зиновьева на Востоке, хорошо ознакомив его с противником на дипломатическом поприще, с его увёртками и затягиванием дела, привила ему самому эти качества и дала сильное оружие в борьбе с этим противником. Весьма труден был для него турнир с таким дипломатом, как министр иностранных дел в Персии, знаменитый сипехсалар¹¹⁰ Азам Гусейн-хан, но Зиновьев всегда приводил его к желанному для себя результату. Как видно, у Ивана Алексеевича было всё, чтобы быть деятелем замеченным не одним только дипломатическим ведомством»¹¹¹.

во время второго путешествия по Европе он хорошо был принят в Петербурге. В Лондоне же королева Виктория «принять его не смогла» [*Хидояттов Г. А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60-70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 215].

¹⁰⁷ Зиновьев Иван Алексеевич (26 ноября 1835 – 4 февраля 1917). В 1851 г. окончил курс в московском Лазаревском институте восточных языков и поступил на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел, откуда в 1852 г. перешел в департамент внутренних сношений того же министерства. На службе продолжал занятия восточными языками и в 1855 г. за сочинение «Эпические сказания Ирана» получил степень магистра восточной словесности в Петербургском университете. Занимал разные дипломатические должности на Востоке. В 1871 г. назначен дипломатическим агентом при румынском князе Кароле I и представлял Россию в Комиссии по разграничению сфер влияния европейских держав на Дунае. В 1876 г. аккредитован в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра при шахе персидском. Во время Закаспийской экспедиции 1880 г. консультировал генерала М. Д. Скобелева по политическим вопросам и содействовал в заготовке на территории Персии фуража и продовольствия для русского экспедиционного отряда. В 1881 г. И. А. Зиновьев успешно закончил переговоры с персидским правительством по разграничению между Персией и Закаспийской областью, что дало России возможность завершить подчинение туркменских племен [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vehi.net/brokgauz/>].

¹⁰⁸ *Хидояттов Г. А.* Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60-70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 370, 377.

¹⁰⁹ Скальковский К. Внешняя политика России и положение иностранных держав. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1897. С. 411.

¹¹⁰ То есть – главнокомандующий всеми регулярными и иррегулярными силами государства. В. А. Франкини отмечал, что «Военный министр остаётся вместе с тем и сипехсаларом, то есть главнокомандующим всеми регулярными и иррегулярными силами государства и начальником военного управления» [*Франкини.* Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМ А. 1883. Вып. 4. С. 26]. Встречаются и иные варианты передачи этого слова: сипахсалар, сипхесалар, сепехсалар.

¹¹¹ *Домонтович А.* Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 577.

Благодаря стараниям И. А. Зиновьева были обеспечены дипломатическая и отчасти военная стороны покорения части туркменских земель Россией¹¹². 24 июня 1879 г. в Тегеране была подписана телеграфная конвенция между Россией и Персией, по которой русский телеграф в Чикишляре был присоединен к англо-индийской телеграфной сети, доходившей до Астрабада¹¹³. Фактически это была концессия на постройку телеграфной линии между Астрабадом и Чикишляром к северу от залива Хасан-Кули (линия обслуживалась в дальнейшем русским персоналом). Кроме того, он блокировал стремления английского представителя открыть реку Карун для судоходства¹¹⁴. Посланник содействовал российским офицерам в их поездках по Персии для изучения страны¹¹⁵. При его же деятельном вмешательстве кавалерию шаха было решено преобразовать по образцу российских казаков. Это подтверждает письмо товарища министра иностранных дел Николая Павловича Шишкина начальнику Главного штаба Николаю Николаевичу Обручеву в 1894 г.: «Пятнадцать лет назад бывший посланник наш в Тегеране тайный советник Зиновьев побудил шаха обратиться к нашему содействию для образования персидской кавалерии по образцу нашего казачьего войска... имея в виду главным образом приобретение влияния на персидское правительство и помешать другим, враждебным нам правительствам, взяться за это дело»¹¹⁶. Под враждебным правительством понималось британское.

Таким образом, появление русских инструкторов в вооруженных силах Ирана произошло в контексте военных реформ, проводившихся военным министром Хусайн-ханом с начала 1870-х гг., и под влиянием деятельности и выводов В. А. Франкини, посетившего Персию в 1877 г. Побудительными мотивами приглашения российских казачьих офицеров и урядников для обучения части персидской кавалерии стало впечатление, произведенное на шаха казачьими формированиями во время его посещения империи Романовых, а также влияние на персидского правителя и его военного министра русского посланника И. А. Зиновьева. Без сомнения, создание ПКБ следует рассматривать в контексте «Большой игры» – понимаемой в узком, специально-научном смысле как сначала борьбу Великобритании против Российской империи, переросшую в англо-русское противостояние на территориях Азии и Европы, а отчасти даже Африки. Длилась она с последней трети XVIII в. до 1917 г., т. е. до распада Российской империи, и протекала в идеологической, политической, военной и экономической сферах¹¹⁷.

¹¹² Гродеков Н.И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Типография В. С. Балашёва, 1884. Т. 4. Приложения. С. 116; Хидояттов Г.А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60-70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. 456 с.

¹¹³ Хидояттов Г. А. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60-70-е гг.). Ташкент: Издательство Фан Узбекской ССР, 1969. С. 370.

¹¹⁴ История Ирана. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 260. Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия. Вып. 110. Исторические науки. Кн. 21. Ташкент: Издательство САГУ, 1957. С. 115–116.

¹¹⁵ Впоследствии ему в заслугу можно поставить подписание русско-персидской пограничной конвенции 1881 г.

¹¹⁶ РГВИА. Ф. 446. Д. 47. Л. 27–28. Интересно, что еще в 1875 г., анализируя русскую военную политику в Иране после 1840-х гг., российский военный историк М. А. Терентьев писал: «Тем не менее ради противодействия чужеземному влиянию, нам не худо бы разрешить своим офицерам службу в персидских войсках» [Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: Типография П. П. Меркульева, 1875. С. 206].

¹¹⁷ Причинами «Большой игры» были: 1) взаимные представления русских и англичан друг о друге; 2) стремление Британии к мировому господству диктовало необходимость не допустить появления сильного конкурента. Англо-американский взгляд на «Большую игру» (ее идея и разработка принадлежат главным образом перу английских, а затем и американских политиков, журналистов и историков) хорошо изложен в работах Е.Ю. Сергеева [Сергеев Е.Ю. «Большая игра» в российско-британских отношениях второй половины XIX – начала XX века: новый взгляд // Российская история. 2011. № 5. С. 3–15; Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.; Сергеев Е.Ю. «Большая игра» России и Великобритании в Центральной и Восточной Азии (вторая половина XIX – начало XX века) // Новая и новейшая история. 2011. № 3. С. 82–91]. В русскоязычную историографию термин был заимствован оттуда, и в последние десятилетия появляются интересные исторические и публицистические работы, в которых исследователи пытаются показать российский взгляд на проблему [Леонтьев М. Большая игра. М.: АСТ; СПб.: Астрель-СПб. 319 с.; Ниязатов М. Россия на Востоке: противостояние великих держав (XIX век). СПб.: Петербургское востоковедение, 2015. 640 с.; Постников А.В. «Большая игра» в Азии против России: история

и современность. Чита: ЗабГУ, 2015. 77 с.; *Постников А.В.* «Исторические права» соседних государств и география Памира как аргументы в «Большой игре» Британии и России (1869–1896) [Электронный ресурс]. URL: http://eprints.lib.hokudai.ac.jp/dspace/bitstream/2115/39358/1/ASI17_002.pdf; *Постников А.В.* Схватка на «Крыше Мира»: Политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке. М.: Памятники исторической мысли 2001. 415 с.]. Если в Англии опасались расширения владений России как угрожавшим в первую очередь господству Соединенного королевства на морских торговых путях, то в России Великобританию рассматривали как эгоистичную и антирусски настроенную страну, политика которой нацелена на расшатывание устоев русской монархии и на ограничение российских интересов в свою пользу. Для России важными факторами идеологического и экономического характера были установление контроля над черноморскими проливами Босфором и Дарданеллами, а также освобождение славян из-под османского владычества и восстановление православного царства, утраченного с завоеванием турками Византийской империи. В Британии видели в России опасного противника идеям продвижения «Рах Britannica» в мировом масштабе, хотя реально, конечно, экономика России вплоть до конца существования империи была не в состоянии тягаться на равных с первой экономикой мира. Фактически ни после 1907 г., ни после распада империи Романовых противостояние не прекратилось [*Демури Д.М.* Русско-английское соглашение 1907 года и противостояние России и Великобритании в Персии накануне Первой мировой войны // Русский сборник. М.: Модест Колеров, 2008. Т. 5. С. 93–124; *Шевель А.А.* Англо-русское сотрудничество и соперничество в Персии в 1905–1914 гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 190–195; *Ширяев М.В.* Англо-російське протистояння у Середній Азії та Афганістані в 1907–1922 рр. Дні.... канд. іст. наук. Луганськ, 2006. 202 с.]. Только теперь основным противником стала советская Россия, а затем СССР, а после ослабления Соединенного королевства его место на арене противостояния заняла другая держава, стремившаяся к мировому господству – США. В последнее десятилетие в условиях новой «холодной войны», развязанной против России со стороны США, многие публицисты возродили термин в новом виде – «Новая Большая игра», которую рассматривают как борьбу за ресурсы новой Центральной Азии (Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению и Узбекистан) в треугольнике Россия – Китай – США (впрочем, географические рамки у некоторых публицистов и политологов могут отличаться, но Россия и США как 2 противника присутствуют во всех прогнозах и раскладах, поскольку подавляющее большинство из них составляется в центрах, так или иначе связанных с североамериканской федерацией) [*Михалёв А.В.* «Новая Большая Игра» в Центральной Азии: фактор Монголии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2013. № 2. С. 35–41; *Ahrari M.E., Bealthe J.* New Great Game in Muslim Central Asia. Washington, D. C.: Institute for National Security Studies, *National Defense University*, 1996. 94 p.; *Ahrari M.E.* The New Great Game in Muslim Central Asia. Honolulu: T. H. University Press of the Pacific University Press of the Pacific, 2002. 91 p.; *Cooley A.* Great Game, Local Rules and the New Great Power Context in Central Asia. Oxford University Press, 2012. 272 p.; *Durrani A.* South Asia in the New Great Game [Электронный ресурс]. URL: https://wikileaks.org/gifiles/attach/173/173687_South%20Asia%20in%20the%20New%20Great%20Game-revised.doc; *Fata D.P.* Arctic Security: The New Great Game? // Rajan Menon New Great game in Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/00396338.2003.9688581>; Central Asia: A New Great Game? – Strategic Studies Institute – Army. URL: <https://halifaxtheforum.org/wp-content/uploads/2017/08/2009-2.-Arctic-Security-The-New-Great-Game.pdf>; *Kleveman L.* The New Great Game: Blood and Oil in Central Asia. New York: Grove Press, 2004. 295 p.; *Makni Dr.* The New Great Game: Oil and Gas Politics in Central Eurasia. New York: Raider Publishing International, 2008. 312 p.; *Matthew E.* The New Great Game and the new great gamers: disciples of Kipling and Mackinder // Central Asian Survey. 2003. Vol. 22(1). P 83–103; *Mullerson R.* Central Asia: A Chessboard and Player in the New Great Game. New York: Columbia University Press, 2007. 400 p.; *Puddephatt A., Torreblanca J.I., Prislán N.* The New Great Game [Электронный ресурс]. URL: http://www.ecfr.eu/page/-/The_New_Great_Game_ECFR.pdf; *Qamar F., Sumera Z.* New Great Game: Players, Interests, Strategies and Central Asia // South Asian Studies A Research Journal of South Asian Studies. 2014. Vol. 29. № 2. P 623–652; *Rosenberg E., Gordon D., Maruyama E., Sullivan A.* The New Great Game. Changing Global Energy Markets, The Re-Emergent Strategic Triangle, And U. S. Policy. Center for a New American Security. 2016. 67 p.; *Stutte C.T.* An Examination Of Central Asian Geopolitics. Through The Expected Utility Model: The New. Great Game. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Public Affairs in the College of Health and Public Affairs at the University of Central Florida Orlando. Florida Fall Term, 2009. III p.; *Weitz R.* Averting a New Great Game in Central Asia [Электронный ресурс]. URL: <http://www.issuelab.org/resources/281/281.pdf>.

1.2. Первая поездка А. И. Домонтовича. Подписание контракта на обучение части персидской кавалерии

Алгоритм принятия решения о посылке А. И. Домонтовича был следующим. Шах, будучи еще на Кавказе, обратился к кавказскому наместнику с просьбой о присылке офицеров. Великий князь предложил царю послать инструкторов, Александр II одобрил данное предложение. И. А. Зиновьев был здесь и организатором, и стимулятором шахских интересов, и «передаточным звеном», т. к. все сношения с персидскими властями велись через него. В качестве главы будущей военной миссии от России, по рекомендации наместника на Кавказе великого князя Михаила Николаевича¹¹⁸, в конце ноября 1878 г. был направлен подполковник ГШ А. И. Домонтович. Сложно сказать, какими мотивами руководствовался великий князь, выбирая офицера на должность в Персию. А. И. Домонтович не имел никакого понятия о стране, куда его посылали, не знал языка. «Слишком незнакома была эта страна, – писал он, – все представления о которой, вынесенные из учебных заведений, оканчивались Дарием Кодоманом»¹¹⁹. Дальнейшая же история Персии положительно завлакивалась непроницаемыми потёмками»¹²⁰. Видимо, в основу выбора были положены личные связи и качества подполковника. А. И. Домонтович происходил из старинного запорожского рода, числился в Кубанском казачьем войске. В службу вступил 4 июля 1863 г. После окончания 2-го Московского кадетского корпуса (в 1863 г. переименованного в 3-е военное Александровское училище) по первому разряду в 1864 г. произведен в хорунжие и переведен в Михайловское артиллерийское училище. Из него А. И. Домонтович был выпущен в конно-артиллерийскую № 11 батарею Кубанского казачьего войска. В 1868 г. произведен в сотники, а в 1872 г. – в есаулы. В 1875 г. окончил Николаевскую академию ГШ по 2-му разряду и был зачислен в ГШ с переименованием в капитаны ГШ¹²¹. Далее служил старшим адъютантом штаба 38-й пехотной дивизии (09.07.1875 – 19.10.1876), был старшим адъютантом штаба войск Эриванского отряда (27.11.1876 – 29.01.1877)¹²².

В русско-турецкую войну 1877–1878 гг. А. И. Домонтович занимал штабные должности, но тем не менее сумел отличиться. Сначала исполнял должность начальника штаба 3-й сводной кавалерийской дивизии (02.01–26.03.1877), затем с марта 1877 г. до ноября 1878 г. нахо-

¹¹⁸ Английский историк Ф. Казем-заде утверждал, что назначил А. И. Домонтовича начальник штаба кавказского военного округа генерал-лейтенант ГШ П. П. Павлов [*Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии.* М.: Центрполиграф, 2004. С. 138]. Однако это не соответствует действительности. В своих воспоминаниях А. И. Домонтович приводил слова самого П. П. Павлова, что «великий князь для этой цели (возглавить военную миссию – О. Г.) выбрал меня» [Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // *Русская старина.* 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 332].

¹¹⁹ Дарий III – персидский правитель с 336 до 330 гг. до и. э. Разбит Александром Македонским.

¹²⁰ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // *Русская старина.* 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 334.

¹²¹ Интересно, что в ГШ в то время зачисляли только офицеров, окончивших Николаевскую Академию ГШ по 1-му разряду. В случае А. И. Домонтовича либо роль сыграла протекция, либо недостаток офицеров ГШ на Кавказе. Возможно также, что на карьерный рост офицера повлияла поддержка родственника – Михаила Алексеевича Домонтовича. Произведенный в 1875 г. в генерал-майоры ГШ, он с 1865 до 1873 г. состоял штаб-офицером, заведовавшим обучающимися в Николаевской академии ГШ, а с 1873 г. был назначен инспектором классов Николаевского кавалерийского училища. М.А. Домонтович заслужил себе хорошую репутацию и имел связи в Петербурге и на Кавказе (детальнее его биографию см.: *Военная энциклопедия.* СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1912. Т. 9. С. 178), и вполне мог содействовать продвижению А. И. Домонтовича.

¹²² URL: <http://regiment.ru/bio/D/120.htm>; Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // *Русская старина.* 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 333; Модзалевский В. Л. Малороссийский родословник. Киев: Типография Т-ва Г. Л. Фронцкевича и К., 1908. Т. 1. С. 450; Полный послужной список командующего 2-й Казачьей сводной дивизией Генерал-Майора Домонтовича (Домантовича). Составлен 1 января 1900 года // РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Послужной список 80-964/16 (1900 год; дело 132385/1-22, 24–27 (80-964/1 – 80-964/27); Послужные списки генералов Киевского военного округа; 277 листов). Л. 181–187.

дился в распоряжении начальника Эриванского отряда, генерал-лейтенанта Арзаса (Аршака) Артемьевича Тер-Гукасова офицером ГШ для поручений. С ним принимал участие в занятии Баязета, Диадина, Сурп-Оганеза и Большой Каракилисы, в сражениях на Драм-Дагских высотах и у Даяра и в движении Эриванского отряда на выручку окруженного турецкими войсками Баязетского гарнизона, а также в сражениях при Игдыре и у Деве-Бойну; исполнял должность начальника штаба Аджарского отряда при его движении на Батум. За боевые отличия А. И. Домонтович был награжден орденом св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом (за Драм-Даг), чином подполковника (за Даяр), орденами св. Станислава 2-й степени с мечами (за Деве-Бойну) и св. Георгия 4-й степени (23 декабря 1878 г.)¹²³. После войны числился штаб-офицером для особых поручений при штабе Кавказского военного округа (с 16 января 1879 г.).

От начальника штаба Кавказского военного округа генерал-лейтенанта ГШ Платона Петровича Павлова А. И. Домонтович получил самые общие инструкции. По словам подполковника, тот изложил ему сущность дела, не вдаваясь в детали. «Немногосложна была речь Павлова, – вспоминал офицер, – в ней не было никаких указаний, никаких связывающих инструкций. Тем-то она и была ценна. Мне было предоставлено право действовать полно-властно, сообразуясь только с условиями, в которых мне придется находиться»¹²⁴. Можно отчасти согласиться с мнением Фируза Казем-заде, что первоначально «никто – ни шах, ни великий князь, ни сам Павлов – не знал, каковы полномочия Домонтовича»¹²⁵. «Советую только вам понравиться шаху, – добавил он с улыбкой, – если можно, сделайте министром... Да и что он мне мог сказать, в самом деле, – замечал А. И. Домонтович, – когда, по его словам, оно было и для него совершенно незнакомо»¹²⁶.

Исходя из миссии 1877 г., дипломатической неудачи на Берлинском конгрессе¹²⁷ и нараставшей антирусской деятельности англичан на Ближнем и Среднем Востоке¹²⁸, Россия стремилась закрепить свое влияние в Персии. И. А. Зиновьев и (с его подачи) Министерство иностранных дел были заинтересованы в присутствии при шахе российской военной миссии с целью ограничения английского влияния на персидские вооруженные силы. Однако на тот момент в действительности вряд ли кто-то реально представлял, как сложится ее дальнейшая судьба, для чего и какими методами должны будут действовать российские инструкторы. Главное было «застолбить место». Отчасти подтверждением этому могут служить действия А. И. Домонтовича уже в новом качестве, о чём будет сказано ниже. Н. К. Тер-Оганов писал относительно целей миссии: «было ясно, что для России открывался путь к контролю над вооруженными силами Ирана. Россия, которая яростно боролась с Великобританией за завоевание преобладающего влияния в Иране, никоим образом не упустила бы такую возможность. Насколько большое значение придавали руководители России вопросу об отправке инструкторов в Иран, видно хотя бы из того, что сам наместник царя на Кавказе лично избрал кандидатуру на пост будущего руководителя русской военной миссии»¹²⁹. Не отрицая важности посылки инструкторов и ее связи с борьбой против английского влияния, следует заметить, что на тот момент вряд ли в высших кругах империи Романовых задумывались всерьез о контроле над вооруженными силами Ирана. Действительно, идея кавалерийской части, как «кадра» для будущей

¹²³ Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1912. Т. 9. С. 178.

¹²⁴ Там же. С. 333.

¹²⁵ Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 138.

¹²⁶ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 2. С. 332–333.

¹²⁷ Козлов Я. А По следам «Турецкого гамбита» или русская «полупобеда» 1878 года. М.: Этерна, 2014. С. 547–563.

¹²⁸ Халфин Н.А. Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX века) // Труды Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина. Новая серия. Вып. 110. Исторические науки. Кн. 21. Ташкент: Издательство САГУ, 1957. 251 с.

¹²⁹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 52.

новой персидской армии высказывалась отдельными офицерами, в частности А. И. Домонтовичем. Однако до последней трети XIX в. она не получила ни поддержки, ни дальнейшего развития. Для Министерства иностранных дел, а точнее – для И. А. Зиновьева, фактически руководившего иранским направлением внешней политики России, посылка инструкторов и последующее создание ПКБ были исключительно политическим проектом, позволявшим не допустить британских представителей в вооруженные силы Каджарской монархии. В 1880-е гг. к этому добавилась задача контроля политической ситуации в Тегеране на случай смерти шаха и смены правителя в угодном для России ключе. Для военных же Русского государства создание боеспособной иранской армии в рассматриваемый период вообще не имело смысла и даже было опасным. При наличии у Ирана подготовленных европейскими инструкторами вооруженных сил в случае изменения политической конъюнктуры и англо-иранского сближения Россия могла получить на южных границах если не опасного, то вполне способного нанести определенный урон и отвлечь значительные силы противника. Что до важности миссии, то она действительно была необходима, но больше для дипломатов. Кроме того, в назначении А. И. Домонтовича великим князем не было ничего из ряда вон выходящего. Во-первых, любые кандидатуры для ответственных поручений в Кавказском военном округе избирались или назначались кавказским наместником, а во-вторых, в случае с подполковником сыграло роль личное отношение к нему Михаила Николаевича, причины которого кроются в событиях русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В последних числах ноября подполковник в сопровождении денщика, переводчика и казачьего урядника выехал из Тифлиса. Через Зривань, Нахичевань, Джульфу и Тебриз 15 декабря 1878 г. он прибыл в Тегеран. Целью поездки было ознакомление с условиями предстоящей службы и разработка соглашения о найме инструкторов. Во избежание дипломатических неурядиц с английской дипломатической миссией подполковник снова был зачислен состоять по Кубанскому казачьему войску, но избегал упоминания о том, что он является офицером ГШ¹³⁰.

По прибытии в столицу Каджарской монархии А. И. Домонтович поступил под опеку российской дипломатической Миссии. Дипломатические отношения между Ираном и Россией в «европейском формате» были установлены в 1818 г.¹³¹ 6 июля император Александр I подписал указ об учреждении поста поверенного в делах России в Персии¹³². Действовать российское представительство начало с февраля 1819 г., сразу по прибытии в Иран¹³³. С 1828 г. оно имело статус Миссии и возглавлялось чрезвычайным посланником и полномочным министром российского императора при персидском шахе, т. е. вторым по рангу дипломатических представительств¹³⁴. Посольствами же именовалась первая категория диппредставительств. Их возглавляли послы или нунции (легаты), которые являлись полноценными представителями

¹³⁰ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 212; Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 72.

¹³¹ В 1817 г. чрезвычайный посол России генерал Алексей Петрович Ермолов получил от шаха разрешение на создание в Иране русского дипломатического представительства с местопребыванием в Тебризе [Салихова Д.Б. Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века. Дисс. канд. ист. наук. Махачкала, 2007. С. 34].

¹³² Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб.: Типография II отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1830. Т. 35. № 27399. С. 330–331; Семёнов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. С. 40. А не в 1817 г. [Всемирная история: в 6 т. Т. 5: Мир в XIX веке: на пути к индустриальной цивилизации. М.: Наука, 2014. С. 560]. В 1817 г. было принято решение учредить дипломатическое представительство, которое начало действовать в Тебризе в 1819 г., а первым русским представителем стал Симон Иванович Мазарович.

¹³³ Семёнов Л. С. Россия и международные отношения на Среднем Востоке в 20-х годах XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. С. 67.

¹³⁴ Положение относительно дипломатических агентов 7 (19) марта 1815 г. // Эйхельман О. Хрестоматия русского международного права: в 2 ч. Киев: Типография В. И. Завадзкого, 1889. Ч. 2. С. 91; Протокол о месте министров-резидентов и о салютовании кораблей // Эйхельман О. Хрестоматия русского международного права: в 2 ч. Киев: Типография В. И. Завадзкого, 1889. Ч. 2. С. 104.

«своих государей». В нашей работе термин «посольство» по отношению к российскому представительству мы стараемся использовать только в крайних случаях, или если так оно именуется в источниках. Преимущество будет отдано термину «Миссия», как синониму диппредставительства в другой стране.

Как уже отмечалось, российское дипломатическое представительство в Иране с апреля 1876 г. возглавлял посланник И. А. Зиновьев. Он сначала довольно тепло принял подполковника. Все дела с персидским правительством последний в течение двух месяцев своей первой командировки вел через российских дипломатов. Своего рода посредником и одновременно консультантом А. И. Домонтовича выступал первый драгоман (переводчик) русского посольства – коллежский асессор Иван Григорьевич Григорович¹³⁵. В конце декабря военный министр Персии сипехсалар-азам мирза Хусайн-хан (Гусейн-хан в передаче А. И. Домонтовича¹³⁶) Мушир од-Доуле попросил подполковника составить смету расходов на содержание каждого всадника и целой части, исходя из штатов русских казачьих полков. Эта работа оказалась весьма сложной, поскольку никаких, даже официальных, сведений о состоянии персидской армии А. И. Домонтович под рукой не имел.

При деятельном содействии И. Г. Григоровича и опираясь на собственный опыт, А. И. Домонтович справился с составлением сметы расходов. «Наша обоюдная работа, – писал он, – переводилась Григоровичем на персидский язык, перевод просматривался Зиновьевым. По окончании эти сведения были представлены военному министру»¹³⁷.

Мирза Хусайн-хан Мушир од-Доуле, тогдашний военный министр и министр иностранных дел Персии, был вторым по значимости лицом в стране на тот момент. «Человек небольшого роста, довольно тучного сложения, с полным без всякой растительности лицом, с небольшими искрящимися весёлыми и выражающими хорошее расположение духа глазами... Наделённый глубокой ясностью ума, но вместе с тем и лживостью языка, весьма способный, высоко образованный и умеющий безгранично пользоваться своей властью, он был, бесспорно, и первым лицом между всеми дипломатами, проживающими в Тегеране», – характеризовал его А. И. Домонтович, отмечая также заносчивость военного министра и страсть к обогащению¹³⁸. Военный министр и садразам в одном лице (до 1880 г.), Хусайн-хан был инициатором нового витка военной реформы и вообще ратовал за преобразования в вооружённых силах страны¹³⁹. Подполковник был представлен ему И. А. Зиновьевым лишь после окончания

¹³⁵ А. И. Домонтович с большой теплотой отзывался о И. Г. Григоровиче, который очень помогал ему в общении с персами. «Он занимал место первого драгомана русского посольства и, кажется, уже с давнего времени. По происхождению араб, в малолетстве он был привезён в Россию и воспитан какой-то благотельницей-княгиней. В его воспитании замечалось не одно только формальное выполнение нравственного долга, но видна была сердечная, почти родственная заботливость. Дальнейшим образованием он был подготовлен к службе по дипломатии. Зная, конечно, отлично персидский язык, он также свободно владел французским; характера твёрдого, простой, прямодушный, он готов был помочь всякому, кто к нему обращался. Везде он пользовался любовью, а между персиянами слыл под именем Араб-Сааб (господин араб), так его называл и шах. По его родственному происхождению с персиянами и долгой службе в этой стране, для него, казалось, не существовало сокровенных пружин, которыми персияне старались прикрыть свои дипломатические тайны. В затруднительных случаях он отправлялся в персидское Министерство иностранных дел, где и находил возможность проникнуть в тайны, окутанные большею частью золотой английской цепью» [Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 578–579].

¹³⁶ Домонтович Л. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 577.

¹³⁷ Там же. С. 579.

¹³⁸ Там же. Детальнее о нём см.: Кулагина Л. М. Попытки модернизации государственного управления Ирана во второй половине XIX века // Особенности модернизации на мусульманском Востоке. Опыт Турции, Ирана, Афганистана, Пакистана. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1997. С. 95–113; Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 42–45. В сентябре 1880 г. мирза Хусайн-хан был отстранен от всех должностей. Сменил его на посту министра иностранных дел некогда занимавший этот пост мирза Сайид-хан [Гродеков Н. И. Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг. СПб.: Типография В. С. Балашёва, 1884. Т. 4. С. 138–140].

¹³⁹ Cronin S. Armies of Qajar Iran [Электронный ресурс]. URL: <http://kavehfarrokhi.com/iranica/militaria/iranian-military-history-and-armies-post-islamic-era-to-1899/professor-stephanie-cronin-armies-of-qajar-iran>.

работы по составлению росписи расходов на предполагавшуюся для обучения часть. Именно под началом этого человека оказались А. И. Домонтович и русские инструкторы вплоть до его отставки в сентябре 1880 г.

29 декабря 1878 г. шах пожелал сделать смотр своих гулямов¹⁴⁰ в присутствии подполковника. В историографии закрепилось мнение, что Насреддин-шах изначально планировал отдать гулямов на обучение русским инструкторам¹⁴¹. Однако, как свидетельствуют архивные документы и воспоминания А. И. Домонтовича, решение это нигде не озвучивалось шахом российским представителям. О нём свидетельствовали лишь косвенные, но достаточно определенные, данные. Принято оно было иранским правителем, скорее всего, после смотра и его разговора с А. И. Домонтовичем, хотя конкретной договоренности на этот счет не было.

Гулямами в российских источниках называли конвой или гвардию шаха¹⁴², ему непосредственно подчиненную и при нём же постоянно находившуюся. «Регулярная кавалерия, – писал Александр Борисович Вревский в 1868 г., – состоит из гвардии или телохранителей шаха (холами-рикаби) и трёх эскадронов (холами-севарех), всего численностью около 500 чел., обучение которых правильному кавалерийскому строю европейскими офицерами не имело, по настоящее время, никакого успеха»¹⁴³.

К 1878 г. гулямы составляли 3 фоджей¹⁴⁴ – «Кешик-хане» (гулямы-насири, пехота), «Махдие» и «Мансур». Численность их в течение правления Насреддин-шаха не была посто-

¹⁴⁰ Слово «гулям» арабского происхождения и имеет несколько значений: «мальчик», «юноша»; «раб», «слуга». Об институте гвардии на Востоке см.: *Кадырбаев А. III*. Институт гвардии и элитных войск на Востоке и Западе: история и современность [Электронный ресурс]. URL: [www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%20\(26\)2013.pdf](http://www.safarabdulloh.kz/img/books/iran-name/Iran-Name%20(26)2013.pdf).

¹⁴¹ *Красняк О.А.* Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 73.

¹⁴² Шахских гулямов некоторые русские военные именовали регулярной кавалерией [*Вревский А.Б.* Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 25; *Путтих П.А.* Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. С. 87]. Однако это не совсем соответствовало действительности. Фактически гулямы были гвардией шаха из числа знатных представителей различных кочевых племен Ирана [о гулямах первой половины XIX в. см.: *Кругов А., Нечитайлов М.* Персидская армия в войнах с Россией. 1796–1828 гг. М.: Фонд Русские Витязи, 2016. С. 12–20]. Однако ни правильной организации, ни систематической подготовки они не получали. Иррегулярная армия Ирана состояла в рассматриваемое время из иррегулярной кавалерии и территориального ополчения [*Reza Ra'iss Tousei*. The Persian Army, 1880–1907 // Middle Eastern Studies. 1988. Vol. 24. № 2. Р. 206–219]. «Иррегулярная конница, – писал Л.К. Артамонов, – ... подразделяется на постоянную милицию, выставляемую на службу разными провинциями согласно известному расписанию, и на временные ополчения, набираемые преимущественно среди кочевников и в особенно важных случаях специальным повелением самого шаха» [*Артамонов Л. К.* Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 74–75]. Конница кочевых племен была организована строго по племенному принципу. Правительство выделяло кочевым ханам определенные суммы, на которые они должны были содержать на постоянной службе указанное число кавалеристов. Зачастую эти кавалеристы и составляли постоянные иррегулярные кавалерийские части. Они же при различных зависимых от шаха правителях и шахских сыновьях составляли «гвардии», наподобие гулямов. Схожие «гвардейские» формирования имели старшие сыновья шаха Масуд-мирза и Мозаффаред-дин-мирза. Кроме того, формально в случае необходимости, племенные вожди должны были выставлять конное ополчение. Территориальное ополчение несло службу по месту формирования, т. е. в отдельных провинциях, как правило, пограничных (Гилян, Мазандеран, Хорасан, Кирман, Белуджистан). Оно было конным («атли» или «саваре») и пешим («пиаде»), состояло из отрядов стрелков: тофангчи, джазаирчи и шамхалчи, вооруженных различными типами ружей (тофанг, джазаир и шамхал); иррегулярная пехота Каина именовалась эльджар. В составе пеших отрядов службу несли конные отряды тофангчи, джазаирчи и шамхалчи. Находились они в распоряжении губернаторов [*Тер-Оганов Н.К.* Создание и развитие иранской регулярной армии и деятельность иностранных военных миссий в Иране в XIX в. Автореф. дисс.... кандидата исторических наук. Тбилиси, 1984. С. 14–15; Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1895. С. 706].

¹⁴³ [*Вревский А.Б.*] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 25.

¹⁴⁴ Используя в данном случае европейскую терминологию параллельно с собственно иранской, следует отметить, что по сути они несколько отличались. Европейцы обозначали собственными терминами военные структуры Персии, пытаясь их приблизить в понимании к европейскому читателю. Даже используя местные названия, они объясняли их, исходя из тогдашних европейских образцов. Однако реальность всегда отвечала указанному толкованию. Из-за этого в трудах многих военных возникала путаница (что впоследствии влияло и на исследователей, которые «привязывались» к терминологии источников). Поскольку в европейских армиях не было соответствующей структурной единицы, название бралось по аналогии. Например, тумани именовали то дивизиями, то корпусами, фоджи – то батальонами, то полками, эмир-пенджа определяли как генерал-майора, хотя это была должность начальника тумани (собственно – корпуса в составе пяти типов) и т. п. «Правильных и регламентированных соединений фоджей в полки или бригады не существует, – писал российский разведчик второй поло-

янной. «Личный конвой шаха (гулама) состоит из 1000 отборных всадников, находящихся на службе бессменно», – утверждал автор статьи в специальном сборнике Военного министерства России¹⁴⁵. Мисль-Рустем, описывая ситуацию 1880-х гг., сообщал, что «в Тегеране, помимо ПКБ, находятся только человек до 300 гулямов, т. е. шахского конвоя («гулям», собственно, значит «раб»). Всего гулямов насчитывают до 1000 человек, остальные же живут по домам. Гулямы сопровождают шаха в поездках каждый раз, как он выезжает из дворца»¹⁴⁶. Побывавший в Персии в 1894 г. штабс-капитан гвардейской артиллерии Александр Григорьевич Туманский, как бы дополняя других авторов, писал: «От кочевых племён Персии (илятов), кроме поставляемых контингентов для иррегулярной конницы, выставляются ещё... части, состоящие как бы лейб-гвардию самого шаха, но на самом деле это ни что иное, как заложники из более влиятельных семей на случай могущих быть осложнений с этими племенами». Включала в себя, согласно А. Г. Туманскому, эта кавалерия 100 бахтиар, 500 дувейрен, 500 афшар-хемсе, 500 хаджеванд (луров мазендеранских), 200 асанлю, 150 хеда-ванд (луров лариджанских), 100 карачонлю, 17 карасуран (казвинских), всего 2200 человек¹⁴⁷. В. А. Косоговский сообщал, что гулямы несли службу «посменно». На действительной службе находилась только половина фоджа, «а другая $\frac{1}{2}$... находится в отпуску; смена происходит ежегодно»¹⁴⁸. В персидской армии они считались лучшими кавалеристами, хотя никакой регулярной специальной подготовки и обучения не получали. «Даже гулямы, считающиеся самым лучшим полком (конвой шаха), ездят за каретой шаха не строем, а каким-то стадом, хотя и стараются соблюсти порядок», – сообщал наблюдавший их Мисль-Рустем¹⁴⁹. Леонид Константинович Артамонов, посетивший Персию в 1889 г., оценивал подготовку гулямов выше, чем у большей части персидской кавалерии, но ниже регулярных частей – «казачьих» полков в Тегеране и Исфахане. «Несколько вымуштрованы следующие контингенты постоянной милиции, – писал

вины XIX в. – однако из разных, совершенно посторонних соображений иногда составляются такие высшие командные единицы». 29 фоджей азербайджанской пехоты, например, объединены были в 3 тумани, каждый из которых возглавлял эмир-тумани [Артамонов Л. К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 51–52]. Собственно фодж в персидской армии – это однопотолочный полк, который состоял из 8–10 рот. Условно его состав определялся в 1000 человек [Артамонов Л. К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 20]. За образец еще в начале XIX в. была взята английская модель, которую привнесли британские инструкторы. Но реальная численность его постоянно и довольно значительно колебалась в силу специфики воинского набора. Поэтому европейские наблюдатели часто именовали фоджи батальонами [см., например, Мисль-Рустем: «полки “фодж”, собственно батальон» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1897. С. 115; Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Типография Я. И. Либермана, 1898. С. 216; Артамонов Л. К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 51]. Формально фоджи были 8-ротные и 10-ротные при штатном составе роты в 100 человек. Фактически же количество человек в каждом из них могло колебаться от 300 до 1200. «Раньше фодж означал полк, – писал российский офицер, – но в настоящее время этим словом именуется отдельный батальон, штатный состав которого колеблется от 800 до 1200 человек» [Риттих П. А. Отчёт о поездке в Персию и Персидский Белуджистан в 1900 году поручика Л.-гв. егерского полка Я. Л. Риттиха: Ч. 1–2. СПб.: Воен. учен. ком. Гл. штаба. Ч. 1. С. 83].

¹⁴⁵ Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1884. С. 532.

¹⁴⁶ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1897. С. 133.

¹⁴⁷ Туманский. От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, 1894 г. // СМ А. 1896. Вып. 65. С. 20. Правда, по данным 1893 г. их число указывалось в 500 отборных всадников [Сборник новейших сведений о вооружённых силах европейских и азиатских государств. СПб.: Военная типография, 1895. С. 706]. Думается, такие разногласия в цифрах объясняются особенностью прохождения ими службы – посменно. На «смене» в год находилось 300–500 человек. Именно эта цифра и была указана в официальном сборнике российского Военного министерства. В начале XX в. 1200 гулямов были разделены на 4 смены по 300 человек [Риттих П. А. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. С. 87].

¹⁴⁸ Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 96.

¹⁴⁹ Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1897. С. 136–137.

он, – 1) Кишик-хане (Кешик-хане – *О.Г.*) (500 всадников), под начальством Кишикчи-баши и 2) Мензур (Мансур – *О.Г.*) (300 вс.), под начальством сартипа Аладоуле»¹⁵⁰.

Шах предоставил в распоряжение подполковника гулямов фоуджей «Махдие» и «Мансур»¹⁵¹. В смотре участвовало около 1000 человек. Их показательное выступление произвело на подполковника в целом отрицательное впечатление¹⁵². «В кавалеристах видна любовь к своему занятию, – доносил он начальству, – что весьма важно в военном деле». Но результатом смотра, «выказавшего лихость людей, умение их хорошо и смело ездить», А. И. Домонтович был озадачен, поскольку тот показал «полное отсутствие того, в чём заключается обучение кавалерии одной части»¹⁵³. Когда шах неожиданно для него спросил о произведенном впечатлении, подполковник, «обойдя смешные стороны строя», ответил, что «лошади отличные и люди скачут прекрасно»¹⁵⁴. Тогда Насреддин-шах спросил: «А можно их обучить по-казачьи?». А. И. Домонтович попросил часть гулямов для испытания. Вечером того же дня на городском учебном плацу подполковник провел пробные учения с сотней гулямов для проверки, «насколько они годны к сомкнутому строю». «Сомневаться было нечего, – подытожил он, – предстоящее дело было возможно, о чём и было доложено шаху»¹⁵⁵.

Результатом смотра стала аналитическая записка А. И. Домонтовича, в которой он изложил свое видение обучения персидской кавалерии. На ней следует остановиться особо, поскольку она легла в основу последующей деятельности подполковника. Записка эта выдает в нём профессионала высокого уровня. А. И. Домонтович исходил из предположения, что в его распоряжение будут предоставлены шахские гулямы. Об этом свидетельствовало и поведение Насреддин-шаха, и командира гулямов Ала од-Доуле, который на обеде в присутствии членов русской дипломатической миссии поднял сначала тост «за здоровье полковника Домонтовича, а уж потом за посланника»¹⁵⁶.

В своей записке подполковник отмечал, что особенности местных условий не позволяют прямо «приложить систему казачества» в Персии. Он предполагал изменять структуру кавалерии Каджарской монархии постепенно, в основу положив учебную часть. «Для этого, – писал А. И. Домонтович, – потребуется сформировать полк из 4-х сотен, в каждой сотне – 130 рядовых с унтер-офицерами и 10 нестроевых чинов. В полку же всего 560 человек без офицеров. Все сотни получают полное обучение примерно в двухгодичный срок, по окончании которого из каждой сотни, с обученными офицерами, унтер-офицерами и рядовыми составятся кадры для образования полка, из всех же 4-х сотен – 4-х полков»¹⁵⁷. Как видим, подполковник профессионально и стратегически относился к своей главной задаче. Особое место он уделит пла-

¹⁵⁰ Артамонов Л. К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главного начальствующего гражданского частью на Кавказе, 1890. С. 83

¹⁵¹ Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391.

¹⁵² Н.К. Тер-Оганов отмечал, что А. И. Домонтовичу гулямы понравились [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 53]. Однако воспоминания последнего свидетельствуют об обратном. Хорошую характеристику гулямов он дал шаху, что следует рассматривать как жест вежливости, а не как реальную оценку.

¹⁵³ Донесения Домонтовича // Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 123. Описание смотра см.: Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 580–582.

¹⁵⁴ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 581–582.

¹⁵⁵ Там же. С. 582.

¹⁵⁶ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 583.

¹⁵⁷ Донесения Домонтовича // Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 124. Интересно, что формируя в начале XIX в. регулярную кавалерию, французские инструкторы также предполагали создать сначала 5 эскадронов, которые позже должны были быть развернуты в полки [Кибовский А., Егоров В. Персидская регулярная армия первой половины XIX в. // Цейхгауз. 1997. № 6. С. 28].

нированию устройства учебной части. Во-первых, А. И. Домонтович отмечал, что кавалеристы должны служить непрерывно в течение двух лет, для чего их следует размещать летом в лагерях, а зимой – в казармах, «в совокупности... чтобы наблюдать за занятиями людей и вообще следить за порядком в части». Соответственно предполагалось создание своего рода казарменного городка, приспособленного для жизни всадников. Во-вторых, подполковник считал, что хозяйство полка – довольствие пищей, фуражом – должно быть общим для всей части (пищей – по-эскадронно), а не «отдаваться на руки каждого всадника», как это было принято в персидской армии. «Частые отлучки для покупок на базар, – писал он, – препятствовали бы установлению порядка»¹⁵⁸. Соответственно расход денег на пищу, хозяйственные нужды и пр. необходимо было, по мнению российского офицера, производить лицам, выбранным начальством из числа подчиненных (по 2 человека в каждом эскадроне). Фураж же следовало выдавать натурой, а сроки его поставки должны были быть строго оговорены и соблюдены¹⁵⁹. «Заготовка фуража для довольствия лошадей полка может быть возложено на кого угодно, необходимо только, чтобы он доставлялся в полк в строго определённое время, в определённом количестве и установленного качества, – писал подполковник. – Обмундирование, вооружение и конское снаряжение чинов полка должно быть единообразным по образцам этих предметов в казачьих частях русской армии»¹⁶⁰. Главным требованием подполковника было, чтобы «распределение занятий полка, выдача содержания чинам его, продовольствие людей и фуражное довольствие лошадей, разные наряды, увольнение в отпуск и вообще всё, касающееся внутреннего управления полка» имело «установленное и вполне определённое устройство; вместе с тем, находясь в тесной связи со строевым образованием, главное наблюдение над ними, как и последующим должно безраздельно принадлежать одному и тому же лицу. На этом основании вся дисциплина части, т. е. точное выполнение чинами полка всех служебных требований»¹⁶¹. Под «одним и тем же лицом» А. И. Домонтович подразумевал командира полка, то есть себя. И в этом проявилась его практическая сметка. Подполковник стремился избежать естественного в Иране многократного подчинения по хозяйственным и финансовым вопросам, которые могли поставить крест или резко тормозить все его начинания в сфере обучения и подготовки личного состава. Чего именно опасался А. И. Домонтович, можно продемонстрировать на примере австро-венгерских инструкторов в Тебризе, где находилась ставка наследника престола – валиата¹⁶², – имевшего собственную армию. «Для однообразного и успешного обучения все войска Азербайджана в чисто строевом отношении подчиняются австрийской службы майору Вагнеру¹⁶³, который носит титул хана и имеет в рядах персидской армии чин генерал-лейте-

¹⁵⁸ К слову, глава австрийской миссии допустил такую ошибку, отдав в руки персидских офицеров «права награждения, производства в чины и всю хозяйственную часть» [Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 93].

¹⁵⁹ Донесения Домонтовича // Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 124–125.

¹⁶⁰ Там же. С. 125.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Имеются и другие варианты написания – валият, валиад, велиат, велиэхд.

¹⁶³ Карл Вальтер Вагнер фон Веттерштодт (Carl Walther Wagner von Wetterstadt; в русских источниках – фон Ветерсдохт) прибыл в Иран в составе австрийской военной миссии в 1879 г. в чине капитана артиллерии. Через 3 года, после отъезда миссии, он остался в Персии и служил сперва в Тебризе, а затем с начала 1890-х гг. до начала XX в. – в Тегеране [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 47–48; Блюмер. Состояние Тавризского гарнизона в мае 1891 г. // СМ А 1891. Вып. 49. С. 40; Рунтхилл П.А. Отчёт о поездке в Персию и персидский Белуджистан в 1900 году. СПб.: Издание Военно-учёного комитета Главного штаба, 1901. Ч. 1. С. 90]. «Следующий инструктор, – писал лично знавший его Мисль-Рустем, – поистине лучший из всех, барон В., конечно, тоже в чине персидского генерала, раньше служил в прусских войсках, а затем в австрийских, откуда и вышел в отставку в чине поручика. Человек лет сорока, бойкий, очень сладко-льстивый, с весьма хорошими манерами, порядочный пролаз, служивший в Тегеране “ходячей газетой” для всех любителей новостей и сплетен. Во время занятий он сильно увлекался и поминутно прибегал к ругательствам. Занимался с солдатами добросовестно, насколько это можно было в Персии» [Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1897. С. 170].

нанта, – характеризовал положение австрийских коллег русский офицер в конце 1880-х гг. – Вагнер-хан подчинён непосредственно военному министру или правильнее – шаху, который питает к этому инспектору полное доверие. В строевом отношении Вагнер-хану подчиняются все сартипы (генералы) и даже сам валиат скромно выслушивает замечания или наставления инспектора – на казарменном плацу... В дисциплинарном отношении он имеет право арестовывать подчинённых ему офицеров, в зависимости от чина, в общем до 2-х месяцев на военной гауптвахте (караул-ханэ). Чему учить и как учить – это дело Вагнер-хана, и эмир-е не зам Гассан-хан не имеет права вмешиваться в эту область. Однако всё необходимое для занятий, как-то: оружие новых систем, холостые или боевые патроны, лошади для каждого артиллерийского учения и проч. – выдаются не иначе, как по приказанию эмир-е не зама. Поэтому инспектор, *de jure* не подчинённый эмир-е не зам, *de facto* для всякого учения должен испросить у него разрешение. Это последнее даётся весьма неохотно, если учение сопряжено с денежным расходом, или сколь-нибудь значительной тратой пороха, или наконец, требует много артиллерийских упряжных лошадей, которые обыкновенно ходят в экипажах валиата, эмир-е не зама и др. начальствующих лиц»¹⁶⁴. Отличие от столицы заключалось лишь в том, что в Азербайджане главным распорядителем был эмир-е-не зам Гассан-хан¹⁶⁵, а в Тегеране – военный министр. Поэтому А. И. Домонтович предлагал создание автономной единицы. Для этого он планировал наделить главу инструкторов полномочиями командира полка по российскому образцу, то есть с правами полного контроля и ответственности за хозяйственную и военно-учебную части. Для обучения кавалерии А. И. Домонтович предполагал достаточным наличие при нём 3 русских офицеров и 5 казачьих урядников. Двое офицеров с урядниками должны будут заниматься с нижними чинами полка, а третий офицер – подготавливать офицеров части. «Управление полком, непосредственное обучение его, а также общее руководство во всех занятиях полка будут составлять мою обязанность», – завершал подполковник свою записку¹⁶⁶. Как показала дальнейшая служба офицера в Персии, требования эти до конца реализованы не были, и не по вине А. И. Домонтовича. А настойчивость подполковника в предоставлении ему больших полномочий окончилась для него плачевно.

6 января 1879 г. состоялась аудиенция А. И. Домонтовича у шаха в присутствии иранского министра иностранных дел, русского посланника и сотрудников российской Миссии¹⁶⁷. Затем в течение месяца И. А. Зиновьевым обсуждались с шахским правительством условия контракта приглашения военной миссии. 7 февраля 1879 г. российским посланником и Хусайн-ханом Мушир од-Доуле – одновременно иранским и первым и военным министром – был подписан его окончательный текст на французском и персидском языках. В основу соглашения были положены идеи, высказанные в приведенной выше записке. Поскольку первый контракт стал основой для последующих соглашений по военным инструкторам вплоть до середины 1890-х гг., мы остановимся на его тексте детально. К сожалению, оригинала контракта мы не видели. Поэтому приведем его детальный пересказ, содержащийся в работе Н. К. Тер-Оганова.

«Контракт о найме русских военных инструкторов состоял из краткой преамбулы и одиннадцати статей. Согласно преамбуле, шахское правительство нанимало русских казачьих

¹⁶⁴ Артамонов Л. К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 50–51.

¹⁶⁵ Гассан-хан был фактически премьер-министром при шахском наследнике. «Эмир-е не зам неограниченно распоряжается судьбами войск этой провинции во всех отношениях. От него зависит сбор или роспуск войск, содержание их в том или другом составе; он же сам, или через посредство подчинённых ему губернаторов, выдаёт войскам жалование» [Артамонов Л. К. Северный Азербайджан. Военно-географический очерк. Тифлис: Типография канцелярии Главного начальствующего гражданской частью на Кавказе, 1890. С. 49].

¹⁶⁶ Донесения Домонтовича // Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 125.

¹⁶⁷ Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 53.

офицеров для обучения части кавалерии. Первая и вторая статьи контракта определяли обязанности Заведующего обучением персидской кавалерии (далее – Заведующий – О. Г.), так официально называлась будущая должность подполковника ГШ А. И. Домонтовича. В течение 3 лет он должен был находиться в распоряжении иранского правительства и подчиняться военному министру. В обучении будущей кавалерийской части ему должны были помогать 3 казачьих офицера и 5 урядников, которых выбирали кавказские военные власти¹⁶⁸. Третья статья определяла размер жалованья А. И. Домонтовича 2400 туманов в год. Кроме этого, он должен был получать ежедневный фураж для 5 лошадей. Что касается трех русских офицеров – помощников А. И. Домонтовича, то каждому из них было обещано такое же жалование, как и австро-венгерским офицерам, недавно прибывшим в Иран. Ежемесячное же жалование каждого урядника составило 20 туманов (240 туманов в год).

Четвертая статья предусматривала выплату определенной суммы для покрытия дорожных расходов по прибытии и убытии А. И. Домонтовича, одного офицера и урядника соответственно 100, 75 и 24 полуимперииала¹⁶⁹.

Согласно пятой статье, датой начала работы русских инструкторов, включая их командира, было принято считать день подписания контракта.

Шестая статья регламентировала порядок выдачи А. И. Домонтовичу полагавшегося ему жалованья: в день подписания контракта иранская сторона должна была уплатить ему двухмесячное жалование в размере 400 туманов. Причем было решено, что в начале второго квартала будут выданы деньги за третий месяц первого квартала, а также за три месяца второго квартала.

Статья седьмая контракта предписывала А. И. Домонтовичу во всех вопросах, касающихся его службы, действовать согласно указаниям иранского военного министра, в подчинении которого он должен был находиться. Со своей стороны, военный министр брал на себя обязательство выплачивать ему жалование.

В соответствии с восьмой статьей, все расходы на служебные командировки А. И. Домонтовича, выполняемые по заданию иранского правительства, покрывались последним.

Согласно девятой статье контракта, подполковник А. И. Домонтович не имел права по своему усмотрению отменять его условия, а также до истечения трехгодичного срока оставить службу. Лишь по состоянию здоровья он мог рассчитывать на согласие со стороны иранского правительства на прекращение службы. Статья предусматривала и форс-мажорные условия: по причине неотложных дел или же из-за ухудшения здоровья А. И. Домонтовича иранское правительство предоставляло ему право на трехмесячный неоплачиваемый отпуск. Условия этой статьи в равной степени распространялись и на остальных русских офицеров и урядников.

Согласно статье десятой контракта, иранское правительство брало на себя обязательство оплатить дорожные расходы русским инструкторам после истечения срока действия контракта. Однако оно оставляло за собой право выплатить данную сумму и до истечения трехгодичного срока.

По статье одиннадцатой, подполковник ГШ А. И. Домонтович, офицеры и урядники должны были в течение двух с половиной месяцев, начиная с того дня, как через российское посольство в Тегеране им была передана сумма на дорожные расходы, оговоренная в статье четвертой контракта, прибыть в столицу»¹⁷⁰.

¹⁶⁸ Обучение должно было проводиться по действующим уставам русской армии [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. Приложение 1. С. 344], но реально происходило на основе их сокращенных вариантов.

¹⁶⁹ Полуимперииал – российская золотая монета. С 1817 г. – 88-й пробы и весом 1 764 г. С 17 декабря 1885 г. Повелено выбивать полуимперииал по 1 зол. 49,2 дол., содержащие 900 частей золота и 100 меди (5,807 г чистого золота). С 1897 г. на полуимперииале выбивалось означение его курсовой цены – 7 руб. 50 коп. [Спаский И. Г. Русская монетная система. Л.: Аврора, 1970. С. 213–216].

¹⁷⁰ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 54–55.

На следующий день после подписания контракта подполковник отправился в Россию для набора инструкторов.

1.3. Начало деятельности русских инструкторов в Иране

Перед тем как переходить к рассмотрению процесса формирования ПКБ, следует остановиться на ее первых инструкторах. Это необходимо, поскольку в последнее время стали появляться публикации, где о них даются совершенно превратные сведения. Так, например, А. Б. Широкоград в своей популярной работе писал буквально следующее: «Вскоре в Персию был направлен полковник Генштаба Домонтович с несколькими отобранными им урядниками Кубанского кавказского войска – виртуозами в джигитовке, стрельбе и владении холодным оружием»¹⁷¹. Но на деле А. И. Домонтович был подполковником, а военная миссия состояла не только из представителей Кубанского казачьего войска, и не только из урядников. Вопрос о выборе и характеристиках инструкторов важен также в свете дальнейшей истории бригады, поскольку дает яркое представление о способах отбора кандидатов, об их моральных качествах и личных целях. Уже при наборе первой партии инструкторов проявились все положительные и отрицательные особенности этого процесса, характерные для всей истории ПКБ.

Формально члены военной миссии назначались по выбору командующего войсками на Кавказе. Однако фактически подбор кандидатур был возложен на Заведующего обучением персидской кавалерии. «В Тифлисе я доложил о результате командировки и получил разрешение, согласно контракта, выбрать по своему усмотрению в состав военной миссии 3-х офицеров и 5 урядников», – вспоминал А. И. Домонтович¹⁷². П. П. Павлов 23 февраля 1879 г. обратился с письмом к наказному атаману Терского казачьего войска генерал-лейтенанту Александру Павловичу Свистунову. В нём говорилось буквально следующее: «Во исполнении... высочайшей воли... назначить для... командировки состоящего для поручений при вверенном мне штабе ГШ подполковника Домонтовича, предоставив его усмотрению выбор остальных членов из Кубанского и Терского казачьих войск¹⁷³... Офицеры, выбранные подполковником Домонтовичем, во время пребывания их в Персии должны числиться, не занимая вакансий, в частях, откуда будут назначены, пользоваться производством в чины по вакансии и сохранять содержание от казны в размере получаемого ими жалования»¹⁷⁴. Такое же предписание получил и наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант ГШ Николай Николаевич Кармалин.

Прибыв в Екатеринодар, где предполагал подготовиться к службе в Иране, исходя из указанных распоряжений, А. И. Домонтович обратился к означенным начальникам. У наказного атамана Кубанского казачьего войска он попросил назначить 3 урядников. Тот выполнил просьбу, отослав в распоряжение подполковника Евсеева, Рудя и Лактина. Первые два, по сообщению А. И. Домонтовича, отлично знали строй. Лактин же «ещё в Тегеране был... прикинут посольством», поскольку уже бывал в Персии: он сопровождал полковника Николая Григорьевича Петрусевича в его разведывательной поездке по северо-восточным провинциям Ирана в 1879 г.¹⁷⁵ Однако этот «опыт», как оказалось, не пригодился. «Из продолжи-

¹⁷¹ Широкоград А. Персия-Иран: империя на Востоке. М.: Вече, 2010. С. 99. Фактически он в несколько исправленном виде пересказал сообщение Аслан-бека [Аслан-бек. Персидская казачья бригада // Часовой. 1980. № 623 (1). С. И].

¹⁷² Домонтович Л. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 211.

¹⁷³ В работе Н.К. Тер-Оганова допущена опечатка – указано не существовавшее Ставропольское казачье войско [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 55].

¹⁷⁴ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 55.

¹⁷⁵ «Подробные материалы о Геок-Тепе, Ахалтекинском оазисе и пограничной линии в 1879 г. собрал полковник артиллерии Николай Григорьевич Петрусевич. Он отражал настроения части офицерства, не признававшего мирного хода присоединения туркменских земель, а только военного. Эти офицеры видели вектор движения российских войск через Ахалтеке к Герату, в обход персидской территории» [Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. Историко-географическое исследование. М.-СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных

тельной, чрезвычайно полезной и интересной поездки с Петрусевичем Лактин вынес только одно – страсть к вину»¹⁷⁶. Если выбор 3 урядников мало зависел от А. И. Домонтовича, то двух офицеров он выбрал сам. Сложно сказать, чем именно руководствовался подполковник в этом выборе. Но даже из его воспоминаний следует, что либо принцип пользы делу тут играл подчиненную роль, либо же он недостаточно хорошо разбирался в людях.

Первым был есаул Иван Николаевич Братков – младший офицер Ставропольского казачьего юнкерского училища¹⁷⁷. А. И. Домонтович знал его мало. В воспоминаниях он пишет, что «познакомился... с ним месяца за 4 до того... видел его не более двух раз и то в большой и пожалуй в слишком весёлой компании». Но И.Н. Братков привлек внимание подполковника «своей оригинальной, резко очерченной натурой». «Он отличался твёрдым и самостоятельным характером... Репутация хорошего строевого офицера окончательно решила дело в его пользу»¹⁷⁸. Однако для есаула должность, предложенная А. И. Домонтовичем, была лишь средством поправить положение. Об этом красноречиво свидетельствует его ответ на телеграмму подполковника, в которой тот упомянул о 5000 рублей содержания от персидского правительства. «Согласен, согласен, согласен», – сообщил есаул¹⁷⁹. Лишь по прошествии времени А. И. Домонтович пожалел о своем выборе, хотя о том, что именно заставило его это сделать, к сожалению, остается только догадываться. «Происходя из офицеров бывшего линейного войска¹⁸⁰, – писал подполковник о И. Н. Браткове, – он отличался твёрдым и самостоятельным характером. Малообразованный, но нахватавшись хлёстких и ходячих мнений и фраз по Писареву¹⁸¹, Чернышевскому¹⁸² и другим, он с большим апломбом импонировал этим на окружающих его, большею частью скромных и вовсе не отличающихся начитанностью товарищей»¹⁸³. Скорее всего, цель и характер И. Н. Браткова приводили к конфликтным ситуациям с командиром. На это есть косвенные указания с донесениях А. И. Домонтовича. Однако что-то определенное утверждать сложно.

Второй офицер – хорунжий Екатеринодарского полка Кухаренко – был выбран подполковником «по-родственному» (он приходился ему роднёй). Нелишне будет привести полностью выдержку из воспоминаний А. И. Домонтовича, характеризующую этот выбор. «Он по молодости и по непродолжительной службе, может быть, и не вполне подходил к условиям, необходимым для роли инструктора, но как отличный ездок, исполнительный в работе, весьма аккуратный в делах, он мог принести большую пользу»¹⁸⁴.

инициатив, 2015. С. 93].

¹⁷⁶ Домонтович Л. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 213.

¹⁷⁷ Кавказский календарь на 1878 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1877. Отделение третье. С. 127.

¹⁷⁸ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 212.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Кавказское казачье линейное войско было образовано в 1832 г. и существовало до 1860 г., когда было преобразовано в Терское казачье войско. 2 же его западных (правых) полка (Хопёрский и Кубанский) объединили с Черноморским казачьим войском в Кубанское казачье войско [Малюкало А.Н. Кубанское казачье войско в 1860–1914 гг.: организация, система управления и функционирования. Краснодар: Изд-во Кубанькино, 2003. URL: http://militera.lib.ru/h/malukalo_an01/index.html].

¹⁸¹ Дмитрий Иванович Писарев – русский писатель-публицист и литературный критик. Исповедовал и пропагандировал революционно-демократические взгляды [Коротков Ю. Писарев. М.: Молодая гвардия, 1976. 368 с.].

¹⁸² Николай Гаврилович Чернышевский – русский философ-утопист, публицист, критик, писатель. Придерживался революционно-демократических взглядов, активно их пропагандировал, за что в служебной документации и переписке между жандармерией и тайной полицией назывался «врагом Российской империи номер один» [Ланищев А.П. И. Г. Чернышевский. М.: Современник, 1987. 384 с.].

¹⁸³ Домонтович Л. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 212.

¹⁸⁴ Там же.

Как видим, подбор двух офицеров для важной миссии оказался не совсем удачным. То же можно сказать и о третьей кандидатуре – адъютанте наказного атамана Терского казачьего войска генерал-майора А.П. Свистунова сотнике Дмитрие Алексеевиче Вырубове¹⁸⁵. После окончания сборов в Екатеринодаре, подполковник с женой, денщиком Алексеем Подмокловым, хорунжим Кухаренко и тремя урядниками выехали во Владикавказ. Здесь он явился к атаману Терского войска и попросил порекомендовать ему офицера для поездки в Персию. Генерал предложил «находившегося там же в комнате» своего адъютанта. «Небольшое сомнение было у меня относительно знания им строевой службы, – вспоминал А. И. Домонтович, – но не желая затягивать дела... я согласился»¹⁸⁶. Уже после совместной службы в Персии подполковник оценил Д.А. Вырубова следующим образом: «Сотник Вырубов красивый, с длинной чёрной бородой, вследствие чего его в Персии называли Фатхали-шахом, исторически известным своей необычайно длинной бородой, человек добрый, весьма симпатичный, но, к сожалению, по мягкости и слабости характера способен был легко подчиняться другим»¹⁸⁷.

Наконец, еще два урядника были назначены штабом Терского казачьего войска по запросу А. И. Домонтовича. Водобшин и Кириллов – «оба георгиевские кавалеры, первый даже с тремя, бравые и на вид внушительные, сразу казались вполне подходящими»¹⁸⁸.

Как видим, подбор состава миссии произошел на «паритетных» основаниях: часть ее была отобрана лично подполковником, часть – предложена вышестоящими лицами. Цели инструкторы имели разные. По крайней мере, два из трех офицеров ехали в Персию не только служить, но и улучшить свое материальное положение. Качество урядников было лучшим, но и здесь имелся «изъян» в виде Лактина. Как увидим, в дальнейшем эти факторы сыграют определенную роль в моральном климате в ПКБ. Отчасти в этом был виноват сам А. И. Домонтович, не сумевший правильно оценить Браткова и пошедший на поводу у родственных чувств относительно Кухаренко. Возможно, не случайно, что единственный, о ком у подполковника через много лет сохранились самые приятные воспоминания, был назначенный к нему денщиком рядовой расквартированного в Екатеринодаре батальона Алексей Подмоклов¹⁸⁹.

Из Владикавказа урядники, денщик с лошадьми и вещи были отправлены в Баку. Офицеры же собрались в Тифлисе, откуда в середине апреля выехали туда же. В Баку миссия в полном составе – подполковник, 3 обер-офицера, 5 урядников, 2 денщика и жена А. И. Домонтовича – села на пароход и к вечеру следующего дня высадились в персидском порту Энзели¹⁹⁰. На следующий день русские представители отправились в Решт, откуда через Казвин направились в Тегеран.

7 мая 1879 г. военная миссия в составе указанных лиц прибыла в Тегеран. Через 5 дней Насреддин-шах принял А. И. Домонтовича и предложил сформировать казачий конный полк в 400 человек. Шах велел предварительно составить годовой бюджет полка с учетом жалования

¹⁸⁵ А. И. Домонтович называл его сотником, а в «Кавказском календаре» [Кавказский календарь на 1878 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1877. Отделение третье. С. 149] он числился поручиком. По «Табели о рангах» это соответствующие чины. Официально он состоял при наказном атамане для особых поручений на вакантной должности по ГШ и, кроме того, по Армейской кавалерии. Поэтому, скорее всего, А. И. Домонтович просто ошибочно наименовал поручика соответствующим казачьим чином.

¹⁸⁶ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 213.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 134. Вып. 4. С. 214.

¹⁸⁹ Там же. С. 213.

¹⁹⁰ Порт этот имел для России важное значение. «Город Энзели небольшой (3 000 жителей), но имеет громадное значение в торговом отношении: он служит складочным местом для русских товаров и, в то же время, портом для городов Решта и Тегерана, с которыми соединён единственным разработанным торговым путём, пересекающим Эльбрусский хребет», – отмечал исследовавший северные районы Персии в начале 1890-х гг. российский офицер [Косоговский. Прибрежное пространство между таможней Астара, городом Энзели и горами (персидская провинция Гилян) // СМ А. 1891. Вып. 49. С. 57–58].

личного состава (за исключением офицеров), питания, обмундирования, вооружения, снаряжения и содержания лошадей¹⁹¹.

Годовой бюджет полка, разработанный А. И. Домонтовичем, составил 126000 рублей¹⁹² за исключением суммы жалования персидским офицерам. Размер последнего зависел от степени знатности и племени, из которого тот или иной офицер происходил¹⁹³. После рассмотрения в Совете министров персидский правитель утвердил бюджет и дал указание А. И. Домонтовичу немедленно приступить к формированию части.

С первых шагов А. И. Домонтович столкнулся с трудностями. После первой, инспекционной поездки он рассчитывал, что для создания новой части ему будет предоставлена иррегулярная кавалерия гулямов. Однако по приезду оказалось, что шах передумал. Как отмечал В. А. Косоговский, «Домонтовичу пришлось провести месяца 3 в пустых переговорах»¹⁹⁴. 1 июля между российским и персидским правительствами была заключена конвенция, предусматривавшая обучение части персидской кавалерии, сроком на 3 года¹⁹⁵. Цель учреждения этого военного подразделения с русскими офицерами во главе определялась в конвенции следующим образом: «Командир бригады должен направлять свои силы, усердие и знания на формирование из подчинённых ему людей надёжной и верной воинской части, готовой всегда служить Его Величеству Шаху»¹⁹⁶. Для обучения русским инструкторам были выделены 400 человек из иррегулярной кавалерии мухаджир¹⁹⁷ (мохаджир, махаджир, могаджир – так называли выходцев с Кавказа, покинувших его после подписания Туркманчайского договора 1828 г. и осевших в Персии¹⁹⁸; в более широком смысле слова так называли мусульман, которые переселяются из враждебных стран ради спасения своей веры¹⁹⁹)²⁰⁰.

¹⁹¹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 56.

¹⁹² Или около 40 000 туманов. Курс тумана по отношению к рублю не был постоянным и одинаковым. Так, даже в официальном издании 1879 г. его цена колебалась от 2 рублей 85 копеек до 3 рублей 12,56 копеек [Кавказский календарь на 1880 год. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского, 1879. Отделение 1. С. 126, 149]. Мы берем среднюю цифру в 3 рубля за туман.

¹⁹³ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 73.

¹⁹⁴ Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391.

¹⁹⁵ РГВИА. Ф. 446. Д. 44. Л. 19.

¹⁹⁶ Кулагина Л.М. Россия и Иран (XIX – начало XX в.). М.: ИД Ключ С, 2010. С. 136–137. Первоначально предполагалось сформировать и обучить лишь полк кавалерии. Бригада появляется в конце 1879 г., когда был создан второй полк. Тем не менее формальная цель создававшегося воинского подразделения в цитате изложена точно, поэтому мы сочли необходимым включить ее в текст работы.

¹⁹⁷ О. А. Айрапетов, основываясь на реалиях начала XX в. утверждал, что ПКБ формировалась из наемников [Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг. Военно-политическая история. М., 2014 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/na-puti-k-krahu-russko-yaponskaya-vojna-1904-1905-gg-voenno-politicheskaya-istoriya-read-399953-l.html>]. На самом деле, до начала XX в. основу бригады – 2 полка и гвардейский эскадрон и эскадрон «Кадам» – составляли мухаджиры, отданные русским офицерам шахским решением. Из наемников комплектовался только 2-й полк.

¹⁹⁸ Н. П. Мамонтов указывал, что это были выходцы из Эриванской и Бакинской областей [Мамонтов Н.П. Очерки современной Персии. СПб.: Типография В. Ф. Киршба-ума, 1909. С. 91]. Но по Туркманчайскому договору от Ирана были отторгнуты Эриванское и Нахичеванское ханства, из которых была образована Армянская область, преобразованная в 1849 г. в Эриванскую губернию. Бакинское ханство перешло в подданство России в 1803 г., а присоединено к империи в 1806 г. Таким образом, Н. П. Мамонтов, скорее всего, немного ошибся в наименовании областей.

¹⁹⁹ Али-заде А. Исламский энциклопедический словарь. М.: Ансар, 2007. С. 516–518. Мухаджирсы — в буквальном переводе с арабского означает «переселенцы» или «эмигранты», от слова «хиджра» – «переселение» [Северный Кавказ в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 155], а не «дезертиры», как определил их составитель словаря-справочника по кубанскому казачеству [Военный лексикон кубанских казаков: словарь-справочник. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. С. 69–70].

²⁰⁰ Косоговский В.А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391. История мухаджирства в Иран, к сожалению, в российской и европейской историографии почти не разработана. Нам известна только одна работа, но в ней рассмотрены только правовые вопросы указанного явления [Шукоров К. Миграция населения между Россией и Ираном в XIX – начале XX веков (политико-правовые вопросы) // Кавказ & глобализация. 2009. № 2/3. С. 210–219]. Куда лучше исследовано переселение горцев в Османскую империю [Бобровицкий В. О. Мухаджирство в «демографических войнах» России и Турции // Восток. 2010. № 2. С. 67–78; Зейналова С.М. Формирование европейских этнических общин на Кавказе (XIX – первая половина XX вв.). Баку: Мутарджим, 2010. С. 33–56; Северный Кавказ в составе Российской империи.

В одной из интернет-статей по этому поводу было написано следующее: «В результате интриг англичан и проанглийски настроенных вельмож шах отдал под начало российских военных не свою лучшую кавалерию, состоящую из его личных телохранителей, а отряд из 400 кавалеристов-мухаджиров. Мухаджиры – это выходцы с Кавказа, осевшие в Персии в результате российского завоевания, и не испытывавшие никакой симпатии к русским. Фактически, это была банда головорезов, наводивших ужас на мирных жителей, а, поскольку о жаловании вояки давно не слышали, то промышляли мародерством и грабежами. По-видимому, расчет англичан был на то, что русские опозорятся с таким войском, в котором о дисциплине и воинском подчинении даже не слышали». В указанной статье содержится лишь доля истины. По мнению А. И. Домонтовича, замена гулямов на мухаджиров была сделана «с целью поставить новое дело в такие условия, при которых невозможно достижение успеха»²⁰¹. Во-первых, мухаджиры не слишком хорошо относились к русским, поскольку те завоевали их земли. Во-вторых, «правоверные» ставились под командование «неверных», да еще и своих сравнительно недавних противников. В-третьих, привилегированное положение мухаджиров и их приверженность к своим вождям делали задачу создания регулярной кавалерийской части проблематичной. Однако оценка их как банды обездоленных головорезов страдает крайней односторонностью. После переселения с Кавказа мухаджиры составили особую замкнутую элитную группу в Каджарской монархии, причем каждый из них получал наследственную пенсию от иранского правительства. К рассматриваемому времени сменилось уже целое поколение мухаджиров, пенсии уменьшились за счет их дробления между детьми, а осознание своего привилегированного положения делало слабой власть над ними центральных органов. Тем не менее относительно организованную силу, располагавшую финансовыми средствами, они по-прежнему составляли. «Племя это пользуется в Персии, сравнительно с другими народностями, значительными привилегиями; – сообщал в одном из своих рапортов А. И. Домонтович, – они, почти не неся до сих пор никаких воинских обязанностей, все получили довольно большое жалованье, которое для более почётных лиц составляло весьма крупную цифру. У этих лиц большие претензии, хотя они не отличаются от рядовых всадников»²⁰².

В. А. Косоговский указывал, что немалую роль в смене «материала» для «казаков» сыграли и мотивы экономии казенных денег, поскольку «мухаджиры, поступая в “казачью” бригаду, принесли туда своё наследственное содержание целиком»²⁰³. Тем не менее ни документы, ни историки, исследовавшие вопрос, не дают четкого ответа, кто именно стоял за указанными событиями. Вопрос, по каким причинам Насреддин-шах изменил свое решение и вместо относительно боеспособного подразделения выделил подполковнику наиболее недисциплинированных представителей персидских вооруженных сил, пользовавшихся в стране большими привилегиями и избалованных этим, остается открытым. А. И. Домонтович писал в 1880 г.: «Очень может быть, что даже назначение с самого начала, в моё распоряжение мухаджиров, вместо предлагаемых гулямов, было сделано с целью поставить новое дело в условия, не возможные для достижения успеха»²⁰⁴. В. А. Косоговский обвинял в помехах организации ПКБ военного министра, а также начальника гулямов и родственника шаха Ала од-Доуле, который пользуясь родственными связями и своим положением (он подчинялся непосредственно Насреддин-шаху) «убедил шаха не трогать его полка»²⁰⁵. Сообщая о кознях командира гулямов, многие из русских наблюдателей и исследователей откровенно намекали на английскую

М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 155–183].

²⁰¹ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 73.

²⁰² Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 57.

²⁰³ Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 397.

²⁰⁴ Российско-Императорскому Чрезвычайному посланнику и полномочному министру при дворе персидском [И. А. Зинovieву от А. И. Домонтовича] // Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 132.

²⁰⁵ Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391.

интригу. Однако достоверных доказательств этому нет²⁰⁶. Скорее, проблема имела внутривосточный характер. Ала од-Доуле не хотел терять свое привилегированное положение и обратился к военному министру и шаху, не забыв преподнести внушительный пишкеш (подарок, в данном случае – взятка – О. Г.)²⁰⁷. К тому же он был родственником Насреддин-шаха. Шах сочетал в себе множество положительных и отрицательных качеств. Его периодические реформаторские «всплески», восхищение Петром I и европейской жизнью разбивались о непостоянство, нерешительность, жадность (в том числе и до денег) и себялюбие. К тому же Насреддин-шах был ленив и легко поддавался под чужое влияние, особенно если оно было связано с личными выгодами (достаточно вспомнить несостоявшуюся концессию 1872 г. барона Пола Джулиуса (Пауля Юлиуса) Рёйтера (Ройтера), по которой практически вся экономика страны передавалась в аренду английскому предпринимателю²⁰⁸)²⁰⁹. Нельзя согласиться с российским исследователем Александром Ивановичем Андреевым в том, что шах «более тяготел к русским, нежели к англичанам»²¹⁰. Многое зависело от конкретной ситуации. Кто же время нельзя не согласиться с тем же автором, что правитель Персии в своих внешнеполитических симпатиях был небескорыстен. Например, наблюдавший Насреддин-шаха в течение нескольких лет В. А. Косоговский отмечал его «болезненную жадность» и стремление извлечь личную выгоду из любого предприятия в своей стране²¹¹. Все эти личные особенности, присущие шаху, со временем неоднократно сказывались на положении российских инструкторов в Каджарской монархии.

В персидской армии существовала система, при которой командиры частей обогащались за счет своих подчиненных. Делалось это различными путями. В «Записке о состоянии вооруженных сил Персии...» и в «Военно-статистическом сборнике» находим следующую схему финансирования на высшем уровне: «Генерал-интендант армии ведёт ведомость всем денежным окладам, предоставляет её ежегодно сам на утверждение шаха, который указывает из каких источников они должны быть уплачены, и тогда выдаются начальникам отдельных частей

²⁰⁶ Здесь уместно привести цитату из работы Фируза Казем-заде, которая хорошо показывает отношение англичан к приглашению русских инструкторов. «Английская миссия осуждала принятие на службу шахом русских офицеров, – писал он. – Рональд Томсон говорил об этом мирзе Хусайн-хану, но не оказывая сильного давления по этому вопросу, чтобы не подвергнуть опасности переговоры о навигации по реке Карун. Шах отказался открыть Карун и отмахнулся от возражений Томсона на назначение Домонтовича в том же послании, адресованном мирзе Хусайн-хану. Он написал: “У нас есть офицеры и служащие разных национальностей и религий. Мы пожелаем иметь одного-единственного русского для того, чтобы он обучал несколько сотен наших кавалеристов, как казаков. Это и есть прибывший офицер. Персия – не Афганистан, она – независимая держава и считает нужным иметь дружественные и сердечные отношения со всеми странами, особенно с такими, как Англия и Россия”» [Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 138–139].

²⁰⁷ «Пишкеш требует равноценной оплаты со стороны принявшего его», – писал Е.М. Белозерский [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 14]. Традиция такого рода подарков с отдаванием в традиционном обществе имеет солидную основу, ведущую свое начало с древности в виде редистрибуции [Васильев Л. С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики) // Альтернативные пути к цивилизации. М.: Логос, 2000. С. 96–114; Васильев Л. С. История Востока. М.: Юрайт, 2011. Т. 1. С. 79–80; Васильев Л. С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдом) // Народы Азии и Африки. 1980. № 1. С. 172–186]. Рассматривать пишкеш в качестве взятки стали европейцы, а вслед за ними – европеизировавшаяся часть иранского общества. Основанием для этого было то, что в руках персидских высших сановников пишкеш превратился фактически в форму вымогательства денег или подарков за услуги или награды.

²⁰⁸ Детальнее см. Казем-Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004. С. 92–114. Для получения концессии концессионер подарил шаху 1 000 000 франков, его трем министрам – по 500 000 франков, трем важным сановникам – по 100 000 франков, не считая более мелких подарков [История Востока: в 6 т. М.: Восточная литература, 1995. Т. 4. Восток в новое время (конец XVIII – начало XX в.): Кн. 2. 2005. С. 71].

²⁰⁹ Интересные характеристики шаха даны в: Алиханов-Аварский М. В гостях у шаха. Очерки Персии. Тифлис: Типография Я. И. Либермана, 1898. С. 112–150; Мисль-Русетем. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1897. С. 55–63.

²¹⁰ Андреев А. И. Тибет в политике царской, советской и постсоветской России. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета; Нартанг, 2006. С. 57.

²¹¹ Из тегеранского дневника полковника В. А. Косоговского. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1960. С. 17, 32.

квитанции для предъявления их государственному казначею»²¹². Каждая из указанных квитанций должна была быть снабжена печатями 14 высших сановников²¹³. В. А. Франкини сообщал, что государственные доходы в Персии были сосредоточены в руках министра внутренних дел, поэтому военное казначейство снабжалось по смете, составляемой ежегодно весной «из сумм главного казначейства посредством ежемесячного аванса в 64 000 туманов²¹⁴ и несрочных добавочных ассигнований». Министру внутренних дел сообщалась общая сумма, а та распределялась военным министром²¹⁵. «Всякий расход, – писал В. А. Франкини, – необходимый для снабжения материалами технических заведений, либо для удовлетворения жалованием частей войск и служащих, должен предварительно быть одобрен военным министром. По получении разрешения, ему предоставляется проект ассигновки (чека – *О.Г.*), на котором он накладывает свою печать. Одобренные ассигновки, касающиеся материальной части, прямо предоставляются в казначейство для уплаты, те же, которые касаются личного состава, проверяются предварительно в канцелярии Везири-лешкера (контролер Военного министерства – *О. Г.*). Уплаченные ассигновки возвращаются к Везири-лешкеру, записываются и окончательно передаются в Министерство внутренних дел, где общая цифра их, без всякой другой формальности, вписывается в расход по смете Военного ведомства»²¹⁶. «Своевременная уплата по ним (ассигновкам или векселям – *О. Г.*) производится только в том случае, если в казне есть деньги и притом если казначею поднесен значительный пишкеш, в противном случае деньги удерживаются им для получения с них процентов в свою пользу. Подобного рода злоупотребления повторяются последовательно всеми военными чинами, так что определённое сарбазам²¹⁷ жалование, обыкновенно, остаётся почти всё в карманах высших административных чинов и полковых командиров»²¹⁸. Причем финансовую отчетность реально проверить было сложно, поскольку военные чиновники и офицеры вели ее небрежно или даже халатно²¹⁹. Причину такого положения практически все наблюдатели, близко сталкивавшиеся с административными структурами Каджарской монархии, видели в коррупции, разъедавшей государственный и военный аппараты. «Увольняя большую часть сарбазов во временные отпуска, – писал автор статьи в «Военном сборнике», – полковые командиры получают, между тем, от правительства всегда полное содержание по списочному составу частей. Если в государственном казначействе не имеется денег, что бывает весьма часто, то начальникам отдельных частей выдаются бараты, т. е. свидетельства на получение жалования или провианта военным из доходов известных областей или округов. Уплата по этим баратам... производится губернаторами крайне недобросовестно»²²⁰. «Сейчас казна выдаёт жалование на 52 000 пехотинцев, – подводил итог В. А. Франкини, – а на основе частных достоверных сведений, наличная численность пехоты не превышает половины этой цифры. Другая половина находится на родине, где она занимается земледельческими работами, или же в городах, на заработках; суммы же, правительством выдаваемые на отсутствующих, разделяются между начальниками от высшего до низшего»²²¹. Что касается Ала од-Доуле, командовавшего гулямами, то он, как родственник

²¹² [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 29.

²¹³ Записка о состоянии вооружённых сил Персии, 16 декабря 1863 – 30 января 1864 года // Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 118.

²¹⁴ Сумма эта, естественно, год из года менялась.

²¹⁵ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 27.

²¹⁶ Там же. С. 28.

²¹⁷ Буквально – «рискующий головой». Так называли в иранской армии солдат регулярных пехотных полков [Тер-Оганов Н.К. К истории происхождения и эволюции персидских военных терминов «jb Б>» и «jbj-Ф // Сообщения Академии Наук Грузинской ССР. 1976. Т. 81. № 3. С. 749–752].

²¹⁸ [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 29.

²¹⁹ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 29.

²²⁰ [Вревский А.Б.] Персия // Военно-статистический сборник. СПб.: Военная типография, 1868. Вып. 3. С. 29.

²²¹ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 4.

шаха, имел значительные привилегии в распоряжении своей частью. А. И. Домонтович отмечал, что он жил «чрезвычайно широко и расточительно, подспорьем чему служили деньги от большого некомплекта содержимых им гулямов, в особенности их лошадей»²²². Естественно, лишаться легко приобретаемого и пополняемого дохода Ала од-Доуле не хотел.

Российским инструкторам сразу же пришлось столкнуться с массой трудностей. Главной из них была денежная проблема, которая со временем стала основной для нового подразделения. В. А. Косоговский в своих воспоминаниях указывал, что первоначально ни определенного бюджета, ни определенного штата не имелось²²³. Но он был не совсем прав. А. И. Домонтович разработал примерный бюджет полка еще до его создания, о чём уже говорилось выше. И в дальнейшем ежегодно составлял расчеты на содержание части, которые предоставлял военному министру для утверждения. Другое дело, что бюджет не был полностью обеспечен. Здесь необходимо отметить одну из серьезных ошибок, которую допускали и допускают многие исследователи ПКБ (не избежали этой участи и мы в одной из своих ранних работ), утверждая, что «бюджет ПКБ состоял из содержания 400 человек, уже состоявших на “казачьей” службе, и из ассигнований из шахской казны, обеспеченных доходами с таможен Северной Персии, находившихся под контролем России»²²⁴. Более детальное знакомство с финансовой стороной функционирования означенной воинской части убедило нас, что обеспечение ее материального положения доходами персидских таможен стало результатом займа персидского правительства у России 1900 г.²²⁵

Основанием бюджета после замены гулямов на мухаджиров должно было служить наследственное жалование последних, которое они получали от казны. Это уменьшило планировавшуюся изначально сумму. Предполагалось, что жалование будет одинаковым для лиц, занимавших одно и то же служебное положение²²⁶. Но этих денег для обустройства полка на первых порах не хватало, что вынуждало А. И. Домонтовича постоянно хлопотать перед шахом об увеличении финансирования. «Этих денег начальнику “казачьей” кавалерии не хватало, так как в первое время была масса побочных расходов, – сообщал В. А. Косоговский, – напр., заведение палаток и посуды для казаков, навесов для лошадей и многое другое, поэтому полк. Домонтовичу удалось выхлопотать от персидского правительства 10000 туманов (20000 руб.²²⁷), из коих 5000 были израсходованы сейчас же»²²⁸. Подполковнику приходилось на ходу корректировать свои представления о ведении хозяйства полка, исходя из иранских условий, а не правил, установленных в русской армии, которые были положены им в основу бюджета. Так, в рапорте от 10 августа 1879 г. А. И. Домонтович сообщал следующее: «Одновременно с формированием полка, я обратился к тегеранским купцам с целью найти подрядчиков на поставку в полк всех предметов его содержания. Необходимость скорее приступить к делу... заставила меня в первое время до заключения контрактов довольствоваться

²²² Домонтович А. Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 581. На содержание лошадей персидское правительство также выделяло деньги.

²²³ Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391.

²²⁴ Гоков О. А. Создание Персидской казачьей бригады // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. Харків: НМЦ СД, 2003. С. 69; Павлович М.П. Казачья бригада в Персии. (Из истории персидской контрреволюции) // Новый Восток. Кн. 8/9. С. 182; Потанов Г. В. Персидская империя. Иран с древнейших времён до наших дней. М.: Алгоритм, 2013. С. 262; Очерки новой истории Ирана (XIX – начало XX в.). М.: Изд-во восточной лит-ры, 1978. С. 138.

²²⁵ О роли русских займов 1900 и 1902 гг. в изменении финансирования ПКБ говорит в своей статье и И. Тер-Оганов [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада: период трансформации (1894–1903 гг.) // Восток. 2010. № 3. С. 78], однако наши выводы были сделаны независимо от него [Гоков О. А. Роль офицеров Генерального штаба в осуществлении внешней политики Российской империи на мусульманском Востоке во второй половине XIX в. Дисс. канд. ист. наук. Харьков, 2004. С. 165].

²²⁶ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 74.

²²⁷ В. А. Косоговский исходил из курса конца 1890-х гг. В 1879 г. 1 туман равнялся примерно 3 рублям, следовательно, указанная сумма исчислялась в 30 000 рублей.

²²⁸ Косоговский В. А. Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391. См. также: Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 74–75.

полк по базарным ценам и несмотря на то, что содержание его обходится ниже цен, выведенных согласно положениям русской армии. Это относится до довольствия людей и лошадей, что же касается обмундирования, то в бюджете выставлены мною цены весьма малые, чуть ли не менее тех, по которым справляются вещи в казачьих полках; предполагая большую часть вещей и материалов выписать из России, разницу в курсе персидских и наших денег я считал достаточной для пересылки их. Впоследствии ближе ознакомившись с торговлей Тегерана, я предпочёл делать закупки всего и заказы в самой Персии, и, несмотря на неимение в полку никаких подспорных средств, в виде разного рода мастерских, обмундирование полка идет весьма скоро, хорошо и дешево»²²⁹.

Кроме того, военная подготовка новоиспеченных «казаков» оставляла желать лучшего. «Мухаджиры, – писал Алексей Михайлович Колюбакин, – потомки знатных мусульманских фамилий, оставивших Кавказ вследствие занятия его русскими. Из политических и военных видов шахское правительство старалось удержать мухаджиров от возврата в Россию и думало создать из них военную касту, подобно кадjarской. Ежегодное денежное содержание должно было обеспечить их существование. Поселены были мухаджиры преимущественно в Азербайджане. Знатные, гордые и храбрые горцы, а в начале появления в Персии и очень зажиточные, мухаджиры могли выставить отличную иррегулярную конницу. Но правительство не сумело воспользоваться ими... Отпускаемое шахом содержание... за смертью старшего в роде делилось между его наследниками, таким образом постепенно уменьшаясь, дошло до ничтожных размеров, и не может уже обеспечивать безбедного существования людей, живших праздно, без занятий и оседлости. В то же время, боясь оттолкнуть их от себя строгими служебными требованиями, правительство смотрело крайне снисходительно на отношение мухаджиров к службе и тем совершенно развратило их. По официальным сведениям их считают 1 200 всадников. Что эта цифра существует только на бумаге видно из того, что когда правительство вздумало воспользоваться мухаджирами для формирования в 1879 году “казачьей” бригады, то еле удалось набрать 300 человек. С большим трудом было собрано 600 человек, но из их числа, за вычетом бежавших (их было много, несмотря на хорошее содержание) и совершенно неспособных, осталось 300»^{230,231}.

Сам А. И. Домонтович (как, впрочем, и последующие командиры бригады) постоянно сообщал высшему начальству о своеволиях своих подопечных. «Репутация их как самого беспокойного и в корне испорченного бездеятельностью войска, имеют печальную известность», – отмечал он. Даже шах и военный министр «убеждены были в полнейшей их негодности к какой бы то ни было службе, а также невозможности подчинить их». Например, при уже упоминавшемся формировании полка, несмотря на приказ шаха, 160 мухаджиров, вызванные из Азербайджана, отказались подчиниться и вернулись назад²³². Прибывшие же для формиро-

²²⁹ Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 58.

²³⁰ В других источниках фигурируют цифры в 400 [Тер-Оганов Н.К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 57] и 200 человек [Высоцкий. Персидская казачья бригада // Военная быль. Париж. 1968. № 89. С. 12]. Сам А. И. Домонтович в октябре 1879 г. сообщал о 400, а по прошествии 14 месяцев службы говорил о 300 мухаджирах [Докладная записка о состоянии дел в казачьей бригаде 24 октября 1879 года // Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 129; Российско-Императорскому Чрезвычайному посланнику и полномочному министру при дворе персидском [от А. И. Домонтовича] // Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 132].

²³¹ Колюбакин. Очерк вооруженных сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // СМА. 1883. Вып. 4. С. 61–62.

²³² Российско-Императорскому Чрезвычайному посланнику и полномочному министру при дворе персидском [И. А. Зиновию от А. И. Домонтовича] // Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 132. Впрочем, мухаджиры не были исключением из правил. Показательный случай из практики русских инструкторов 1880-х гг. сообщал Мисль-Рустем. «Однажды шах вызвал Шахсевенский кавалерийский полк (из племени шахсевен) к себе на смотр в Тегеран и приказал их одеть в серые черкески, что и было исполнено; затем, после смотра, он приказал русским инструкторам недели две немного подучить этот полк строю и нашить им погоны, наподобие сформированной ПКБ. Два дня они являлись для обучения, но на третий русские инструкторы были удивлены, узнавши, что шахсевенцы ушли уже по домам, на

вания первого полка «явились... с разными претензиями, в особенности же их офицеры, которые, за весьма редким исключением, ничем решительно не отличаются от простых всадников и столь же далеки от понятия о качествах, требуемых их положением»²³³. Естественно, такая ситуация значительно усложняла задачи русских инструкторов. К этому дополнялось различие в положении отдельных мухаджиров, связанное со степенью их знатности. Подполковник планировал, что назначение на офицерские посты и система подчинения в его подразделении будет строиться по принципу качества и длительности службы, как это было принято в русской армии. Но реальность оказалась намного сложнее. Мухаджиры, пришедшие в полк в офицерских званиях, требовали их сохранения. Производство незнатных мухаджиров в офицеры за службу было затруднено, поскольку знатные мухаджиры отказывались им подчиняться. «Казачий» полк был, несмотря на свое привилегированное положение, составной частью персидской армии. И здесь на первых порах действовали те же принципы. С самого начала «офицерский вопрос» стал одним из больших для командиров ПКБ. Чтобы понять его лучше, скажем несколько слов о корпусе офицеров персидских вооруженных сил.

Офицеры в Персии, отмечал В. А. Франкини, имелись двух видов: «одни принадлежат к высшему сословию и получают чины и места по протекции или за деньги, а другие к мелкой провинциальной шляхте, и в таком случае назначаются сарбазами, им же подвластными, на должности субалтерн-офицеров²³⁴ батальона, набираемого в области; но за это офицеры обязаны преподнести полковнику подарок в 30 или 50 туманов, без чего они не допускаются к исполнению обязанностей, потому что в персидской армии чины от султана (капитана) до наиба (прапорщика) жалуются сартипом (генералом) или сархангом (полковником), командиром батальона, а высшие чины от капитана до генерала – военным министром. Генералы же назначаются шахом, но вообще все чины приобретаются за деньги. Однако сарбазы не принимают в свой фодж офицера, принадлежащего к другому племени; и только высшие начальники – сартипы и сарханги, составляют исключение»²³⁵. Низший офицерский состав комплектовался «рекрутским набором, причём в офицеры должны были идти ханы (помещики)». Срок службы, как утверждал Павел Васильевич Максимович-Васильковский, был пожизненным, в случае убыли младшего офицера на его место назначался новый хан из того же села. «Командир фоджа сам назначал офицеров на различные должности и ему же было предоставляемо право производить их во все обер-офицерские чины, а в штаб-офицерские чины и выше производились они шахом»²³⁶.

Из сказанного становится понятным, с какими трудностями в создании единого внутреннего распорядка, основанного на российских уставах, столкнулись российские инструкторы и особенно подполковник. Стремление последнего построить обучение кавалеристов и чинопроизводство (как, впрочем, и всё, что было связано с полком, а затем с ПКБ) на основе принципов и уставов, принятых в России, наталкивалось на местную действительность. Осложняло его также то, что формально новая часть являлась подразделением персидской армии. Соответственно, на нее распространялись законы и принципы, сложившиеся здесь. «Армия поглощает больше половины всех доходов страны, берёт в свои ряды людей из лучшей части населения, а между тем армии в настоящем смысле слова нет – существуют только части разнообразнейшего состава, обучения и вооружения, – писал в 1880-х гг. А.М. Колюбакин. –

свою азиатскую границу, не дождавшись даже выдачи желаемых шахом погонных (погонных денег – О.Г.); они нашли, что в два дня довольно обучились; за это, однако, никто из них не был наказан, как будто так тому и следовало быть» [*Мысль-Рустем*. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1897. С. 135–136].

²³³ Красняк О.А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 74.

²³⁴ Младшие офицеры. В персидской армии чины ниже сарханга – полковника.

²³⁵ Франкини. Записка о персидской армии генерал-майора Франкини от 20 сентября 1877 г. // СМА. 1883. Вып. 4. С. 8–9.

²³⁶ Максимович-Васильковский П. Отчёт о поездке по губернаторствам Западной Персии (Азербайджана и Персидского Курдистана) с приложением описания пройденных путей в зимний период 1900–1901 г.: в 2 ч. Тифлис: Типография канцелярии Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1903. Ч. 1. С. 79–80.

Гребёж казны, обирательство низших классов высшими, правящими, и продажность всех и всюду, от младших до старших чинов в администрации и в войске, лежат в основании государственной системы. Вся страна со всеми отраслями государственного устройства, составляет как бы добычу десятка тысяч начальствующих лиц, имеющих большую или меньшую долю в дележе»²³⁷. К тому же патриархально-родовые связи, особенно среди мухаджиров, приводили к существованию в ПКБ двух параллельных цепочек подчинения – официальной и неофициальной, где главами выступали не офицеры, а лидеры кланов, люди знатного происхождения. Таким образом, все эти сложности – отсутствие дисциплины, уставов, низкую воинскую подготовку нижних чинов и отсутствие таковой у офицерского состава, недостаток централизации, тотальную коррупцию, доминирование личных и патронажных связей – предстояло преодолеть русским инструкторам в своей работе²³⁸.

9 июля 1879 г. недалеко от Тегерана, неподалеку от Зергенде²³⁹, где находилась летняя резиденция русского посольства²⁴⁰, А. И. Домонтович разбил учебный лагерь. Официальным же днем основания будущей бригады стало 15 июля 1879 г.²⁴¹

²³⁷ *Колюбакин*. Очерк вооружённых сил Персии в 1883 г. и население как источник комплектования персидской армии (Составлен по русским и иностранным источникам) // СМА. 1883. Вып. 4. С. 47–48.

²³⁸ Детальнее об особенностях социальных и религиозных отношений в Иране см.: *Iran Religion, Politics and Society Collected Essays*. London: Routledge, 1983. 248 p.

²³⁹ *Тер-Оганов Н.К.* Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 57. В. А. Косоговский указывал иную дату и уточнял место расположения лагеря. «1 июля 1879 г., – писал он, – был разбит первый казачий лагерь в Давудие, саду Давуд-хана, брата Незам-оль-Молька, контролёра Военного министерства. Недалеко от деревни Зергенде, летней резиденции российской миссии, в полутора фарсах (парасанг, парасанга, фарсанг, фарсаг, сайг, таш, йигач, персидская миля – путевая мера, обычно расстояние, которое проходит караван до очередного отдыха, привала или, иначе, расстояние, которое можно пройти пешком за час; в Персии = 6210 метров (или 5549 метров), малый фарсах = 5065 метров. 1 фарсах = 12 000 кадамов = 30 стадиям = 150 танабов = 1/3 барида) от Тегерана» [Баумгартен. Поездка по восточной Персии Л.-Гв. Волынского полка поручика Баумгартена в 1894 г. (Географическо-торговое исследование) // СМА. 1896. Вып. 63. С. 92; *Косоговский В. А.* Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток. 1923. Кн. 4. С. 391].

²⁴⁰ В рассматриваемое время только «Россия и Англия имели для своих дипломатических миссий... свои участки земли с постройками, т. е. свою территорию, на которую власть и законы персов не распространялись, но только были охраняемы персидскими сарбазами. Представители же других стран нанимали для себя частные помещения» [Белозерский Е.М. Письма из Персии. М.: Военная типография, 1886. С. 19; *Домонтович А.* Воспоминания о пребывании первой русской военной миссии в Персии // Русская старина. 1908. Т. 133. Вып. 3. С. 576–577; *Мисль-Рустем*. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1897. С. 168].

²⁴¹ *Тер-Оганов Н.К.* Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 57. Н.К. Тер-Оганов аргументировал эту дату тем, что она фигурировала в дипломатических документах, а также в правке русского посланника в Тегеране Николая Генриховича Гартвига. Согласно её данным, 15 июля 1908 г. состоялся смотр-парад ПКБ в связи с днем ее основания. Тем не менее отдельные авторы приводили в качестве дня основания будущей бригады 1 июля – число, когда было подписано новое соглашение об обучении части персидской кавалерии [Аслан-бек. Персидская казачья бригада // Часовой. 1980. № 623 (1). С. 11; Военный лексикон кубанских казаков: словарь-справочник. Краснодар: Краснодарские известия, 2007. С. 69].

1.4. Создание второго полка и формирование бригады

Благодаря решительности и умелым действиям А. И. Домонтовичу удалось достаточно быстро сформировать первый полк²⁴². «Скоро окончится 4 месяца, как начались формироваться персидские “казачьи” полки, – писал подполковник в записке о состоянии дел с обучением от 24 октября 1879 г. – За это время полк (имелся в виде мухаджирский полк – *О.Г.*) в 400 человек нижних чинов, вполне сформирован, одет, снаряжён и вооружён. Обучение его также не оставляет желать ничего лучшего. Несколько раз он бывал на смотрах, как сипехсалар-азама, так и его величества шаха и получал самые лестные похвалы, причем высказывалось удивление быстрому успеху как строевого обучения, так и главное, установлению полного порядка и дисциплины в части»²⁴³. Как видно из текста, А. И. Домонтович главное внимание обратил на приучение мухаджиров к дисциплине и умению держать строй. Ни в этом, ни в других источниках не сообщается об огневой подготовке и обучении сабельному бою – то есть тех составляющих боевой подготовки кавалеристов, которые необходимы в сражении. Подполковник вынужден был начать с самого главного на тот момент – формирования устойчивого воинского подразделения. И это ему удалось: в течение месяца он довольно сносно подготовил вверенных ему людей. В начале августа русский офицер обратился к военному министру с просьбой устроить смотр полку. Как откровенно признавался А. И. Домонтович, им двигало «желание отметить весьма быстрые успехи в обучении кавалерии, достигнутые в 1 месяц со дня формирования полка»²⁴⁴. Хусайн-хан назначил смотр на 7 августа. Работа, проделанная А. И. Домонтовичем, произвела впечатление на шаха. Довольный смотром, он приказал увеличить состав части до 600 человек²⁴⁵, что послужило началом преобразования ее в ПКБ. Однако вопрос, когда именно был создан второй полк, остается открытым. О. А. Красняк в своих работах не указывает точной даты²⁴⁶, как нет ее и у некоторых других авторов²⁴⁷.

²⁴² Следует помнить, что полк этот был полком по меркам персидской армии, т. е. по численности равнялся фоджу. В русской армии кавалерийский полк насчитывал около 1000 человек, а казачьи полки до 1883 г. имели шестисотенный состав, за исключением терских, состоявших из четырех сотен. В 1883 г. все кавалерийские полки были переведены на шестисотенный состав [Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. Военноэкономический потенциал России. М.: Наука, 1973. С. 52–53].

²⁴³ Докладная записка о состоянии дел в казачьей бригаде 24 октября 1879 года // Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 129.

²⁴⁴ Тер-Оганов Н. К. Персидская казачья бригада 1879–1921 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 58.

²⁴⁵ Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. М.: URSS, 2007. С. 75.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ *Мисль-Рустем*. Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. СПб.: Типография и литография В. А. Тиханова, 1897. С. 140–141.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.